

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

ГЛАВА I.

О Судебномъ Слѣдователѣ.

1. Общія замѣчанія.

Изъ всѣхъ положеній, которыя въ жизни можетъ занимать юристъ, безъ сомнѣнія, положеніе С. С.—самое своеобразное. Существуетъ общій взглядъ, что дѣятельность его весьма полезна и интересна, но рѣдко оцѣниваютъ всѣ трудности, съ какими сопряжена эта служба. Отъ него требуется энергія молодости, выносливость, неустанная ревность къ дѣлу, весьма обширныя юридическія познанія не только по уголовному, но и по гражданскому праву. Для него считаются необходимыми — знаніе людей, умѣнье обращаться съ ними, тактъ, проницательность и во многихъ случаяхъ гражданское мужество. Сплошь и рядомъ С. С. долженъ рисковать здоровьемъ и жизнью, когда приходится ему имѣть дѣло съ опасными преступниками, или когда онъ долженъ предпринимать поѣздки, сопряженныя съ опасностію и лишеніями, допрашивать или свидѣтельствовать заразныхъ больныхъ. Ему приходится рѣшать вопросы по всѣмъ, безъ исключенія, отраслямъ человѣческаго знанія, онъ долженъ знать различныя языки, умѣть рисовать, и долженъ знать, что ему можетъ отвѣтить судебный врачъ. Онъ долженъ быть знакомъ съ уловками браконьеровъ, равно какъ и съ приемами биржевого спекулянта; онъ долженъ ясно представлять себѣ, какимъ образомъ совершенно былъ подлогъ духовнаго завѣщанія, какъ именно произошло желѣзнодорожное крушеніе, какъ дѣйствовали въ известной карточной игрѣ шулера, какъ произошелъ взрывъ котла, и какимъ образомъ продавецъ лошадей обманывалъ покупателей;— онъ долженъ быть освѣдомленъ въ счетоводствѣ торговыхъ книгъ,

долженъ понимать воровской жаргонъ, умѣть разобрать шифрованное и, наконецъ, понимать работу и орудія всѣхъ ремесль.

Приобрѣсти всѣ эти познанія, послѣ назначенія на должность С. С., — невозможно, равно какъ и невозможно только съ этого момента получить любовь къ дѣлу и извѣстную проникательность, — качества, необходимыя для этой службы. Слѣдовало бы поэтому назначать на должность С. С. только такихъ лицъ, которыя, независимо отъ другихъ умственныхъ и физическихъ преимуществъ, получили дѣйствительно энциклопедическое образованіе, которыя знаютъ мѣстность и ея обывателей, которыя видѣли и знаютъ жизнь и при всемъ томъ полны твердой рѣшимости всѣми этими не легко добытыми познаніями послужить на пользу общества. Всякому криминалисту извѣстно, что С. С. могутъ пригодиться въ его дѣятельности всѣ знанія безъ исключенія, какими удалось ему ранѣе запастись, и что каждый пробѣлъ можетъ иной разъ дать себя почувствовать.

Если же у лица, готовящагося занять должность С. С., не имѣется такихъ всестороннихъ познаній, и онъ не чувствуетъ желанія приобрести ихъ, то онъ поступитъ лучше, если посвятитъ свои силы иной отрасли судебного дѣла. Какъ С. С., онъ не только не соответствовалъ бы своему назначенію, но и былъ бы вполне несчастнымъ; рано или поздно ему придется бы ознакомиться съ такими вещами, которыя для него безразличны, и онъ никогда не достигнетъ въ своемъ дѣлѣ успѣха, такъ какъ новыя познанія ему совершенно чужды. Онъ скоро убѣдился бы въ томъ, что онъ — не на своемъ мѣстѣ, и нѣтъ ничего болѣе грустнаго, какъ такого рода сознаніе въ какой бы то ни было области труда. Поэтому, кто хочетъ посвятить себя этой тяжелой, пренесполненной терніями, дѣятельности, пусть предварительно подвергнетъ себя тщательной провѣркѣ.

Не достаточно, однако, только приобрести знаній. Я требую отъ С. С. не только юридической специальной подготовки, общаго образованія и особыхъ знаній, мною упомянутыхъ, и ихъ постоянного расширенія, но я требую также, чтобы онъ умѣлъ отдать себя своему дѣлу всецѣло, настолько, чтобы стремленіе его учиться и расширять познанія никогда не покидало его, даже если бы онъ и не находился при исполненіи обязанностей службы. Поздно учиться, когда приходится приступать къ разслѣдованію какого-либо важнаго преступленія, надѣ было позаботиться объ этомъ ранѣе. И каждый день, каждая минута могутъ предоставить ему эту возможность учиться для своего будущаго дѣла.

Такъ, любящій свое дѣло С. С. на каждой прогулкѣ будетъ обращать вниманіе на слѣды отъ ногъ человѣка, оставленные въ пыли, въ грязи дороги, на слѣды животныхъ, колесъ, помятой травы, указывающіе на то, что кто нибудь на ней лежалъ или сидѣлъ, будетъ замѣчать оброненные клочки бумаги, поврежденія, сдѣланныя на деревьяхъ, сдвинутые съ мѣста камни, осколки разбитой посуды, необычнымъ образомъ замѣнутыя или отворенныя двери или окна. Все это можетъ дать С. С. поводъ для различныхъ соображеній, вызвать на размышленія о томъ, что происходило тутъ ранѣе. Исслѣдовать «доказательства» и сдѣлать изъ нихъ выводъ въ сущности значить «о предшествовавшемъ умозаключить по послѣдствіямъ и наоборотъ — о послѣдствіяхъ умозаключить по предшествовавшему», — и учиться этому надобно на мелкихъ явленіяхъ обыденной жизни, а не тогда, когда приходится приступать къ слѣдствію объ убійствѣ. Всѣ явленія жизни: незначительныя слова проходящихъ, дѣйствія ихъ, не совсѣмъ ясныя съ перваго взгляда, могутъ дать цѣнный матеріалъ для упражненія этой способности къ комбинаціямъ. Важно также заставляя другихъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями какихъ нибудь происшествій, рассказывать о нихъ со всѣми подробностями. Такіе рассказы (если, конечно, нѣтъ сомнѣній въ искренности и правдивости рассказчика) могутъ быть въ высокой степени интересны для С. и наглядно могутъ научить, какъ слѣдуетъ вообще относиться къ свидѣтельскимъ показаніямъ.

С. С. не долженъ также упускать случаевъ, дающихъ ему возможность ознакомиться съ различными видами рукодѣлій, ремеслъ, съ приемами какого нибудь мастера и т. п. и тѣмъ самымъ—last not least—съ самими людьми.

2. Подготовка С. С. ¹⁾.

Что касается вопроса о томъ, какимъ образомъ молодой юристъ, предназначающій себя въ С. С., долженъ подготовить себя къ этой дѣятельности, то я склоненъ думать, что если это дѣло предоставитъ ему судьбу, то удачный исходъ можетъ быть лишь исключительнымъ. Прежде всего, онъ не имѣетъ яснаго представленія о томъ, что именно ему будетъ необходимо въ предстоящей дѣятель-

¹⁾ См. „Kriminalistische Institute“, „Архивъ антропологии и криминалистическаго Гросса“, т. I, стр. 108.

ности; и только впоследствии, долгое время спустя, путем горькаго опыта на дѣлѣ, онъ узнаетъ, чего именно ему не достаетъ. Затѣмъ онъ не знаетъ, въ какой отрасли человѣческаго знанія онъ можетъ найти полезныя для него свѣдѣнія и какъ ими пользоваться, онъ рѣшительно не въ состояніи внести въ свое самообученіе правильной системы, потому что не знаетъ, что и насколько ему необходимо, откуда заимствовать и въ какихъ случаяхъ примѣнять.

Однимъ высокопоставленнымъ лицомъ судебного вѣдомства, слава котораго, какъ ученаго, далеко перешла за предѣлы отечества, часто указывалось на то, что слѣдуетъ создать особое «слѣдственное учрежденіе» (*Untersuchungsamt*), въ которомъ молодые юристы, подготовляемые къ должности С., производили бы слѣдствія подъ руководствомъ опытныхъ и всесторонне образованныхъ слѣдственныхъ судей. Но, не говоря уже о томъ, что такого или подобнаго учрежденія нѣтъ ни въ одной странѣ, едвали было бы возможно и осуществить его на практикѣ. Если установить, что руководитель долженъ переходить отъ одного С. къ другому и наблюдать за дѣятельностью каждаго, то прежде всего такой порядокъ весьма серьезно повредилъ бы авторитету контролируемаго С., а затѣмъ и не принесъ бы дѣлу никакой пользы; такъ какъ нареканія на С. С. могутъ возникнуть и со стороны его начальства, а во всякомъ случаѣ воздѣйствовать на дѣло слѣдствія будетъ уже поздно. Если же ради этого руководителя судогъ сведена къ тому, чтобы давать совѣты своимъ молодымъ коллегамъ въ затруднительныхъ случаяхъ, то это было бы излишне или невозможно. Если у С. окажется свободное время для такихъ обращеній за совѣтомъ, то онъ и безъ того можетъ избрать по своему желанію опытнаго судью, справиться съ литературой предмета и т. п. Если же С.—на мѣстѣ преступленія, то у него нѣтъ кодъ рукой ни товарищей, ни литературы, ни «руководителя»,—въ такихъ случаяхъ онъ вынужденъ лишь знать себя и съ собою совѣтоваться. А такіе случаи для С.—самые серьезные, потому что только по наиболѣе важнымъ дѣламъ онъ выѣзжаетъ на мѣсто преступленія и, такъ какъ дѣло находится тогда въ большинствѣ случаевъ въ самой первой стадіи, то каждый шагъ С., каждое его слово могутъ имѣть и имѣютъ весьма серьезныя послѣдствія.

Точно также могутъ возникать затрудненія во время самыхъ вопросовъ и, если это случается въ камерѣ С., то, конечно, онъ не можетъ прервать свой допросъ и обращаться за совѣтомъ къ своему! «руководителю». При этомъ не слѣдуетъ также забывать, что

значительная часть работы по разслѣдованію преступленій сосредоточивается не у С., а у тѣхъ лицъ, на коихъ возложено производство первоначальнаго дознанія. По Уставу австрійскаго уголовного судопроизводства, сфера дѣятельности этихъ лицъ весьма ограничена, но лишь по буквѣ закона, на самомъ же дѣлѣ имъ весьма нерѣдко приходится нести значительнѣйшую и серьезнѣйшую часть работы.—Пребываніе свое они имѣютъ въ весьма отдаленныхъ разстояніяхъ отъ города и отъ мѣста жительства С. С. «руководителя», и въ силу этого наблюденіе послѣдняго и помощь сводились бы къ нулю. Кромѣ того камера С. есть ни въ коемъ случаѣ не мѣсто его обученія, а мѣсто самостоятельной, строго обдуманной дѣятельности. Конечно, онъ долженъ ежечасно стремиться къ расширенію своего образованія, именно такъ, какъ и всѣ мы постоянно учимся,—но, насколько возможно, С. С., разъ онъ вступаетъ въ исправленіе должности, долженъ быть уже теоретически подготовленнымъ.

«Совсѣмъ иное было бы, конечно, еслибы учредили для намѣченныхъ нами задачъ при нѣкоторыхъ университетахъ особыя кафедры. Здѣсь именно не только студентъ-юристъ, но и начинающій уголовный судья могъ бы получать хорошую подготовку, изучая наиболѣе извѣстныя уголовныя дѣла, здѣсь онъ могъ бы запасть всѣми вспомогательными знаніями, безъ которыхъ онъ всегда будетъ чувствовать себя затрудненнымъ и даже безпомощнымъ.

«Безспорно, отрадное явленіе, что въ нашихъ университетахъ учреждаются нерѣдко кафедры по предметамъ, имѣющимъ болѣе или менѣе отдаленную связь съ факультетскими науками, но въ нихъ рано или поздно должны найти также мѣсто, хотя и практическія, но весьма важныя, предъявляющія доказательства своего научнаго характера, отрасли знанія. На первое мѣсто мы должны поставить криминалистику въ современномъ ея состояніи, которая, пользуясь плодами научныхъ дисциплинъ разнообразнѣйшаго характера, объединила бы ихъ въ законченное и систематическое цѣлое. Конечно, учрежденіе такихъ кафедръ не обошлось бы безъ затратъ, но въ будущемъ онѣ окупили бы себя. Рано или поздно придутъ къ убѣжденію, что усиленное отправленіе правосудія не въ томъ заключается, чтобы съэкономить какіе-нибудь гроши, ограничивая вознагражденіе эксперта, не одну ночь потрудившагося надъ своей экспертизой, или бѣднаго поселянина, вызваннаго въ качествѣ свидѣтеля издалека; благія послѣдствія правосудія прежде всего обнаружатся только при условіи, если можно будетъ затрачивать средства тамъ, гдѣ это пред-

ставится необходимымъ. То государство, которое для борьбы съ преступленіемъ, непрерывно прогрессирующимъ въ отношеніи утонченности приемовъ и образовательнаго уровня своихъ дѣятелей, выдвигаетъ судей, обладающихъ обыкновеннымъ или, можетъ быть, выдающимся научнымъ юридическимъ образованіемъ, но въ то же время не имѣющихъ специальной, необходимой для С. С. подготовки,—неправильно понимаетъ свои задачи. Такое государство, обнаруживая слабость въ борьбѣ съ преступленіемъ, проявляетъ пренебреженіе къ своему долгу въ отношеніи къ честнымъ гражданамъ, которые, безъ сомнѣнія, вправѣ требовать, чтобы эта борьба велась при помощи всѣхъ средствъ, даваемыхъ человѣку знаніемъ и искусствомъ. Добро должно восторжествовать во что бы то ни стало, а это можетъ быть достигнуто только при помощи превосходно подготовленнаго «генеральнаго штаба» С. С.».

«Трудъ С. С. не есть искусство, но есть искусная дѣятельность, состоящая изъ ряда отдѣльныхъ дѣйствій или приемовъ, которыя нужно знать, а для этого предварительно ихъ изучать,—для изученія же требуется школа».

Съ той поры, какъ были написаны эти строки въ первомъ изданіи моей книги, я прилагалъ всевозможныя усилія, чтобы открыть сподручательнымъ наукамъ уголовного права доступъ въ университетъ¹⁾. Но усилія оказались тщетными. Нѣкоторые даже отрицали научное значеніе этого предмета. Я и ранѣе утверждалъ, что причина неудачнаго исхода многихъ слѣдственныхъ дѣлъ, хранящихся въ нашихъ архивахъ, лежитъ вовсе не въ томъ, что С. С. не отдавали себѣ яснаго отчета о составѣ покушеній на преступленія, или сомнѣнія въ ономъ, или въ истинныхъ свойствахъ преступной неосторожности (*culpa*).—Я всегда доказывалъ, что причиною такихъ неудачъ въ большинствѣ случаевъ было незнаніе С. Слѣдователемъ какихъ-либо важныхъ приемовъ, къ которымъ прибѣгали преступники, неумѣніе, какъ поступить съ обнаруженными слѣдами, какъ разобрать шифрованное письмо, какъ отнестись къ экспертамъ,—невнимательное отношеніе къ мелкимъ вещественнымъ уликамъ, незнаніе криминальной антропологии и, въ большинствѣ случаевъ, совершенная неосвѣдомленность въ криминальной психологіи и

¹⁾ См. Zeitschrift f. d. G. s. Strafrechtswissenschaft, т. XIV, вып. I; т. XVI, в. I; Mitteilungen d. Intern.-Kriminalistischen Vereinigung, т. V, ч. 2, и Schweizer. Zeitschrift f. Strafrecht, 10-й годъ, 4-й вып., и многочисленныя сообщенія въ издаваемыхъ 12 томахъ „Archiv f. krim. ant. und Krim“.

проч.—Такія утверждения мои вызвали яростныя нападки со стороны ученых иного образа мыслей, упрекавших меня въ томъ, что я ввожу ересь въ область науки. Я однако не принадлежу къ числу тѣхъ, которые не цѣнятъ высокаго значенія науки вообще и считаютъ излишнимъ въ нашей области ученіе классической школы, но наряду съ нимъ мы должны признать существованіе и такихъ научныхъ дисциплинъ, которыя являются дополненіемъ и подкрѣпленіемъ первыхъ, и вотъ такими-то дисциплинами и являются для насъ вспомогательныя науки юриспруденціи. Я увѣренъ, что не пройдетъ 10 лѣтъ, какъ эти науки будутъ введены въ курсъ наукъ юридическаго факультета ¹⁾.

Часто я получаю упреки въ томъ, что требую слишкомъ многого, прямо невыполнимаго отъ С. С. Сознаю, что требованія мои велики, но требованія эти вызываются самымъ дѣломъ С.—Кто внимательно слѣдитъ за ходомъ слѣдственныхъ дѣлъ въ судахъ, тотъ убѣждается, на основаніи встрѣчающихся ошибокъ и промаховъ, въ томъ, что необходимо требовать отъ С. С. именно весьма многого, для того, чтобы не *«нагромождать зло на зло»*. И такъ какъ нельзя разсчитывать на то, чтобы каждый С. С. въ состояніи былъ приобрести столь многое, требуемое отъ него, по собственной инициативѣ,—то и важно, чтобы познанія эти приобретались еще въ университетѣ. Поэтому, слѣдуетъ ввести въ курсъ университетскихъ наукъ всю совокупность вспомогательныхъ наукъ уголовного права, напр.: уголовную антропологию, угол. статистику, угол. психологию, криминалистику, угол. социологию.—Дайте одинаковыя права уголовной наукѣ съ гражданскимъ правомъ, сличите, сколько лекцій посвящено въ университетѣ по гражданскому праву и сколько по уголовному. Только при условіи уравненія, мы будемъ имѣть хорошихъ уголовныхъ судей; безъ такого же уравненія имѣть ихъ невозможно.

3. Задача С. С.

По вопросу о томъ, какъ долженъ относиться С. С. къ своей задачѣ, мы неизбежно придемъ къ такому убѣжденію: *«С. С. долженъ въ своемъ дѣлѣ достигнуть устья»*. Если С. не добивается

¹⁾ См. Arch. f. Kr. antr. und. Krim., III т., 114 стр. (вступ. лекція проф. фонъ-Листа въ Берлинѣ), и т. X, 258 стр., т. XII, стр. 199.

такого результата, то работа его сводится къ простой канцелярщинѣ, къ «сплавленію» дѣлъ; если же онъ серьезно стремится каждое слѣдствіе довести до извѣстнаго результата, то работа его уже не можетъ быть спокойной и равномерной: онъ долженъ отдаться дѣлу всецѣло, вложить въ него всю душу, всѣ свои силы и не звать устали. Люди слабонервные не годятся въ С. С. При этомъ подъ словомъ «успѣхъ» слѣдуетъ понимать именно то, что означаетъ его точный смыслъ, т. е. «слѣдствіе должно закончиться полнымъ разъясненіемъ дѣла». Конечно, всякая задача въ любой области знанія должна быть приведена къ такому результату, если только отнестись къ ней добросовѣстно, но въ нашемъ дѣлѣ успѣхъ имѣетъ иной смыслъ: рѣчь идетъ не о естественномъ и *само по себѣ* въ опредѣленномъ направленіи развивающемся движеніи, которое и заканчивается, разъ указанныя въ началѣ данныя доведены до извѣстнаго итога, — а о полномъ разрѣшеніи въ каждомъ случаѣ поставленной проблемы. Вотъ почему для С. нѣтъ половинной работы: или задача разрѣшена вполне, работа доведена до успѣшнаго конца, — или же абсолютно ничего не достигнуто.

Не должно смѣшивать при этомъ словъ «*устѣхъ*» и «*эффектъ*». Отнюдь не должно добиваться шума и общественнаго вниманія, или во что бы то ни стало по каждому дѣлу находить виновнаго. Достигнуть успѣха—это значить: С. С. долженъ съ самаго начала вести слѣдствіе такъ, чтобы сдѣлать все, находящееся въ предѣлахъ человѣческой возможности, и только тогда остановиться, когда все будетъ исчерпано. Но въ той степени, въ какой обыкновенно выясняются наши дѣла, далеко не доходятъ до послѣднихъ границъ достижимаго; легко произнести фразу: «болѣе ничего не остается дѣлать, далѣе идти некуда», но если при этомъ сказать себѣ такъ: «долженъ же быть еще хотя одинъ шагъ», тогда, быть можетъ, откроется не одинъ шагъ, а длинный путь, приводящій къ успѣху. Каждое дѣло свое С. С. можетъ сравнивать съ математической задачей, данныя для разрѣшенія которой онъ долженъ добывать и завоевывать съ немалымъ трудомъ: онъ имѣетъ противъ себя обвиняемаго, часто свидѣтелей, нерѣдко обстоятельства дѣла, естественный ходъ событій и даже самое время, изглаживающее слѣды преступленія. Если С. будетъ помнить слова поэта: «только сегодня не попадись, и ты имѣешь уже сто шансовъ совсѣмъ ускользнуть», то С. откажется отъ утомительной борьбы при первомъ возникшемъ затрудненіи, затрудненіе онъ назоветъ невозможностью, говоря: «все исчерпано, далѣе идти некуда».

Мы отнюдь не желаемъ возобновленія стараго инквизиціоннаго процесса, но, видя, какимъ заслуженнымъ успѣхомъ пользуется во всѣхъ сферахъ человѣческаго знанія законченный и тщательный трудъ, мы желали бы такого же отношенія къ дѣлу и въ нашемъ вѣдомствѣ, такъ какъ въ послѣднее время среди насъ распространяется слишкомъ холодное отношеніе къ дѣлу ¹⁾). Изъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ и съ ученыхъ кафедръ намъ предписываютъ гуманность, отъ насъ требуютъ «аристократически-отдаленнаго отношенія» къ первоначальнымъ дѣйствіямъ слѣдствія, требуютъ, чтобы мы лишь руководили этими дѣйствіями, но не принимали дѣйствительнаго участія. Съ восторгомъ принималось новое направленіе, но къ чему оно насъ привело? Часто мѣра, гуманная для одного, оказывалась строгою по отношенію къ другому, «аристократически-отдаленное отношеніе» превращалось въ небрежность, недѣятельное участіе приводило къ безпорядку, непринужденіе—къ весьма растяжимымъ «предложеніямъ» безъ логической убѣдительности. И если нынѣ въ столь многихъ уголовныхъ дѣлахъ достигаютъ всесторонняго раскрытія преступленія, то ни въ коемъ случаѣ не вслѣдствіе этихъ теоретическихъ положеній, а только благодаря доброй волѣ С. С. и—возвращенію къ «устарѣвшимъ» ученіямъ. Я держусь того мнѣнія, что энергическое начатіе слѣдствія до сихъ поръ является самымъ цѣлесообразнымъ, энергическое, соединенное даже съ суровостью, дальнѣйшее веденіе слѣдствія только и приводитъ къ полученію уликъ, и что умѣніе быстро оцѣнить и воспользоваться первоначальными данными обезпечиваетъ надежду на «успѣхъ». Окажется ли въ состояніи С. С. изъ собранныхъ и установленныхъ имъ данныхъ напасть на слѣдъ виновнаго, достигнетъ ли онъ высшаго торжества правосудія, возвративъ невинному честное имя, или же онъ ограничится только разъясненіемъ происшествія, но такъ, что никакихъ сомнѣній не будетъ возникать о подробностяхъ,—безразлично, но во всякомъ случаѣ того или иного указаннаго результата С. *обязанъ* достигнуть, во что бы то ни стало.

«Рѣдко, однако, пишетъ почтенный Лудвигъ Гюго Францъ ф. Ягеманнъ, встрѣчается предварительное слѣдствіе, которое во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяло бы требованіямъ науки и закона, и какъ рѣдко въ состояніи С. С. оправдывать свои дѣйствія, шагъ за шагомъ, и каждое изъ нихъ надлежащимъ образомъ мотивиро-

¹⁾ Ср. вышецитированный Архивъ т. XII, стр. 191.

вать. Какъ рѣдко, по ходу дѣла, видно соблюденіе строгой системы, безъ каковой невозможна научная оцѣнка труда. Большинство С. накопили акты за актами, безъ разбора и порядка, затѣмъ, по своему усмотрѣнію, сообразно минутнымъ настроеніямъ, выбираютъ извѣстныя данныя, на которыя обвиняемый долженъ представить объясненія, и, наконецъ, когда не въ состояніи болѣе ничего придумать новаго, они признаютъ дѣло законченнымъ. При такихъ условіяхъ, каждый успѣхъ, достигнутый слѣдствіемъ, является или случайностью, или естественнымъ послѣдствіемъ показаній вызванныхъ лицъ (которые, къ счастью, своимъ природнымъ умомъ въ состояніи были дать бездарному Слѣдователю хорошей совѣтъ) и отнюдь не составляетъ заслуги С., весьма часто пораженнаго совершенно неожиданнымъ для него успѣхомъ слѣдствія».

Какъ бы давно ни былъ высказанъ этотъ строгій критическій отзывъ о дѣятельности нѣкоторыхъ С., однако, и до сего дня онъ сохраняетъ свой полный смыслъ и интересъ.

4. Какъ долженъ поступать С. С. въ своей дѣятельности.

Для С. С., разъ онъ приступилъ къ слѣдствію, по моему мнѣнію, самымъ важнымъ является прежде всего найти такой вѣрный моментъ, когда онъ можетъ составить о дѣлѣ твердое убѣжденіе. Отъ этого, въ высшей степени важнаго, обстоятельства въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ почти всегда и зависитъ успѣшный исходъ дѣла. Если С. составляетъ себѣ убѣжденіе преждевременно, то онъ впадаетъ въ предубѣжденіе, котораго и держится съ большимъ или меньшимъ упорствомъ, пока наконецъ оно становится невозможнымъ, и когда уже упущено самое драгоценное время, такъ что слѣды преступленія исчезли и вновь розыскать ихъ уже не представляется возможнымъ. Если же С. С. пропускаетъ этотъ моментъ составленія вѣрнаго взгляда на дѣло, то предварительное слѣдствіе ведется безъ плана, на ощупь, посредствомъ нерѣшительныхъ попытокъ и безцѣльныхъ розысковъ. Когда именно наступаетъ этотъ важный моментъ, установить впередъ нельзя, ни вообще, ни въ каждомъ данномъ случаѣ, но можно сказать такъ, что С. С. всегда уловитъ такой моментъ, если только онъ приступаетъ къ слѣдствію съ вѣрными непоколебимыми принципами и если онъ постоянно имѣетъ въ виду, что «убѣжденіе о дѣлѣ» не можетъ появиться въ готовомъ видѣ, но что онъ долженъ дойти до этого

убѣжденія, шагъ за шагомъ, на почвѣ, которую онъ самъ подготовляетъ путемъ осторожныхъ и основательныхъ отдѣльныхъ «убѣжденій» по поводу фактовъ и эпизодовъ дѣла.

Не слѣдуетъ составлять опредѣленнаго мнѣнія о событіи въ самомъ началѣ слѣдствія: сообщенія полиціи, заявленія частныхъ лицъ должны имѣть для С. значеніе лишь установленія извѣстнаго факта въ такомъ видѣ: «говорятъ, что тамъ-то совершилось такое-то преступленіе». Равномѣрно послѣдующія сообщаемыя данныя о виновникѣ преступленія, о вредѣ, причиненномъ преступленіемъ, о мотивахъ его и т. д. должны имѣть лишь такое значеніе: «по слухамъ, это—такъ». Предположимъ, что С. С. по серьезному дѣлу отправился на мѣсто, гдѣ цѣлый рядъ сильныхъ впечатлѣній дѣйствуетъ на его воображеніе настолько, что въ первый моментъ вниманіе его поглощено этими впечатлѣніями вполне; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ со всѣхъ сторонъ получаетъ отъ чиновъ полиціи сообщенія, къ нему обращаются причастныя къ дѣлу и постороннія лица съ предложеніемъ рассказать ему все, что имъ извѣстно по дѣлу, важное и неважное, которымъ никакъ нельзя отказать, чтобы не потерять какого нибудь полезнаго свѣдѣнія.—Въ такомъ положеніи С. получаетъ какъ будто достаточно матеріала для составленія убѣжденія, которое, однако, потомъ можетъ оказаться ошибочнымъ. Въ эти важные моменты слѣдствія С. С. долженъ, какъ губка, впитывать въ себя всѣ отдѣльныя капли, при чемъ чистая ли, или мутная получится жидкость, безразлично: онъ принимаетъ все только къ свѣдѣнію. По мѣрѣ того, какъ дѣло подвигается впередъ, постепенно образуются и формируются отдѣльныя мнѣнія и взгляды: тотъ или другой свидѣтель оставитъ хорошее впечатлѣніе, такъ что показанія ихъ будутъ признаны заслуживающими довѣрія, и вотъ возникаетъ представленіе о томъ, какъ подозрѣваемый проникъ на мѣсто преступленія, какія у него были орудія, когда именно совершилось самое дѣяніе. И, наконецъ, когда извѣстные взгляды на отдѣльные моменты преступленія сложились, является возможность установить между ними связь, хотя бы только въ самыхъ общихъ чертахъ,—такъ что можно сказать такъ: «въ такомъ видѣ, какъ представлялось событіе, оно навѣрное совершилось не такъ, а ему искуснымъ образомъ была придана другая внѣшность», или же складывается положительное убѣжденіе, что въ данномъ случаѣ совершилось такое или иное преступленіе. Говоря кратко, С. достигъ возможности установить въ самыхъ общихъ чертахъ и планъ послѣдующихъ слѣдственныхъ дѣйствій. Ранѣе же этого момента

строить планъ было бы излишне, или рискованно: излишне потому, что планъ каждую минуту можетъ измѣниться, рискованно же потому, что вслѣдствіе предрѣшенности взгляда легко направить слѣдствіе по ложному пути. Этимъ, однако, я не хочу сказать, что слѣдуетъ въ началѣ слѣдствія избѣгать какого бы то ни было *предначертанія* своихъ дѣйствій, безъ этого слѣдствіе будетъ вестись наугадъ, безъ успѣха и толка. Между предварительнымъ опредѣленіемъ первоначальныхъ дѣйствій и установленнымъ планомъ существуетъ большая разница.

Но если трудно составить себѣ планъ слѣдствія, то еще труднѣе придерживаться этого плана въ точности. Нельзя сравнивать планъ слѣдствія съ тѣми планами, которые составляются для предпріятій, всецѣло состоящихъ въ зависимости отъ воли челоуѣка. Планъ слѣдствія рассчитанъ на явленія подвижныя, измѣняющіяся, часто совершенно неизвѣстныя и отнюдь не зависящія отъ воли составителя плана.—Такой планъ нельзя сравнивать съ чертежомъ для постройки дома, и можно сравнить лишь съ планомъ предстоящей войны. Планъ предварительнаго слѣдствія строится на такихъ данныхъ, *которыя С. имѣлъ, или предполагалъ имѣть при составленіи плана: этому плану надо слѣдовать энергически, пока данныя, на которыхъ онъ былъ построенъ, остались тѣ же или даже получили болѣе осязательную форму.* Но какъ только окажется, что основныя данныя измѣнились, или были ложно поняты, то и планъ долженъ быть измѣненъ весь, или въ частяхъ. Что это такъ, представляется естественнымъ и понятнымъ, но не въ природѣ челоуѣка такъ легко отступать отъ составленнаго однажды плана. Чѣмъ труднѣе достигнуть какого либо результата, тѣмъ болѣе имъ дорожать,—вотъ почему глупцы такъ всегда упрямы: они только поневолѣ расстаются съ тѣми идеями, пріобрѣтеніе которыхъ стоило имъ большихъ усилій.

Если трудно начертать планъ слѣдствія и не менѣе трудно руководствоваться имъ при дальнѣйшей работѣ, то понятно, что отказаться отъ него не легко не только сознательно, но и тогда, когда работа ведется механически.—Такимъ образомъ, можетъ случиться такъ: слѣдствіе ведется по плану, котораго держатся съ самой щепетильною точностью, но основныя положенія этого плана или измѣнились, или давно уже оказались неправильными, такъ что все зданіе, воздвигнутое по этому плану, если и не оказалось совершенно висящимъ въ воздухѣ, то во всякомъ случаѣ вышло косымъ, готовымъ рухнуть. Приведенное правило можетъ показаться

слишкомъ рѣзко педантичнымъ, но оно всегда приноситъ хорошіе плоды, если только въ болѣе или менѣе важныхъ дѣлахъ послѣ cadaго слѣдственнаго дѣйствія (послѣ свидѣтельскаго показанія, осмотра, экспертизы) подвергать свой планъ строгой провѣркѣ, прочны ли основныя положенія, бывшія при составленіи плана, и, если нѣтъ, то въ чемъ планъ подлежитъ измѣненію.

Поэтому, въ большинствѣ случаевъ легче и вѣрнѣе составлять планъ по возможности не сложный ¹⁾, предполагая естественный порядокъ событій, безъ особенныхъ уклоненій отъ этого порядка и не забывая при томъ, что преступники, особенно въ тяжкихъ преступленіяхъ, часто дѣлаютъ «одну большую глупость». Сколько разъ С. уклонялись отъ избраннаго правильнаго пути только потому, что говорили себѣ: «нѣтъ, преступникъ не могъ быть до такой степени глупымъ»,—и столько же разъ уголовные процессы доказывали, что преступники обнаруживали себя именно глупыми, непредусмотрительными,—вслѣдствіе ли тревоги, страха, излишней торопливости, или по иной причинѣ. Вотъ почему С. С. поступить правильно, если сначала предположить естественный ходъ событій.

Пфистеръ («Merkwürdige Criminalfälle») совершенно основательно говоритъ: «высшее искусство уголовного судьи при веденіи слѣдствія заключается въ томъ, что, при чтеніи актовъ, каждое свѣдущее лицо можетъ прослѣдить его направляющую руку, между тѣмъ какъ менѣе опытный думаетъ: «какъ все это хорошо вышло, удачно случилось». Но эта «направляющая рука» только тогда становится ясной, когда все слѣдствіе было проведено по плану, въ каждый моментъ подвергавшемуся строгой провѣркѣ. Какъ часто, однако, мы имѣемъ дѣло съ слѣдствіями, въ которыхъ современные «уголовные судьи», составивъ довольно порядочный планъ, затѣмъ осуществляли его съ отчаяннымъ упорствомъ даже и тогда, когда данныя, его составленіе обусловившія, давнымъ давно исчезли! Такое упорство подчасъ можетъ быть болѣе злополучнымъ и опаснымъ, нежели безцѣльная работа наугадъ:—въ послѣднемъ случаѣ по крайней мѣрѣ возможно случайно набрести на истинный путь, а въ первомъ случаѣ—это совершенно невысказано. Самымъ пагубнымъ, однако, для исхода дѣла бываетъ такое положеніе, когда «планъ» былъ составленъ съ опредѣленною цѣлью привлечь къ дѣлу

¹⁾ „In detection is the simplest hypothesis allways the best“ — говоритъ многоопытный майоръ ф. А. Греффъ въ своей книгѣ „Mysteries of police and Crime“. Лондонъ.

въ качествѣ обвиняемаго *известное лицо*, и когда слѣдствіе велось *исключительно* въ этомъ направленіи, пока не выяснилось съ несомнѣнностью, что это лицо къ дѣлу *неприкосновенно*. Если, благодаря такому ложному пути, истекъ значительный промежутокъ времени, то слѣдствіе въ большей части случаевъ можетъ считаться уже безнадежнымъ, именно потому, что слишкомъ рано высказанъ былъ опредѣленный взглядъ на событіе преступленія, и улики собирались исключительно въ одномъ направленіи, главнымъ же образомъ потому, что время было упущено. Если первоначальныя предположенія не подтверждаются, то неизбежно чувство нѣкотораго разочарованія, испытываемое въ равной мѣрѣ и чинами исполнительной полиціи, и вновь созданный планъ уже не встрѣчаетъ къ себѣ достаточнаго сочувственнаго отношенія, собираемый матеріалъ представляется какъ будто лишеннымъ достовѣрности и доказательности, иные факты потерялись изъ виду, иныхъ уже нѣтъ возможности возстановить. При каждой же новой добытой уликѣ, приходится считаться съ возраженіями, какъ собственными, такъ и со стороны другихъ лицъ, въ томъ смыслѣ, что на первыхъ порахъ тѣмъ же самымъ даннымъ придавалось совершенно иное или меньшее значеніе. Для избѣжанія такихъ затрудненій есть только одно средство: никогда не увлекаться *одной* предвзятой идеей. Если твердо держаться этого весьма важнаго основного правила и при томъ не разбрасываться въ разныя стороны, то отсюда вытекаетъ новое правило: имѣть *въ своемъ* распоряженіи людей, которые готовы были бы помочь, хорошо *знать* ихъ способности и качества и *умѣть ими пользоваться*.

Нынѣ часто приходится слышать слѣдующія фразы: «С. С. не есть чиновникъ полиціи», «это—дѣло полиціи», «задачи С. заключаются въ совершенно иномъ». Я увѣренъ, что успѣхи, достигнутые лицами, высказывающими эти мысли, не говорятъ въ ихъ пользу. Никто не требуетъ, чтобы С. предпринималъ такія мѣры, которыя были бы несогласны съ его достоинствомъ, но направленіе *всего слѣдствія* всегда должно быть въ рукахъ С., и полиція должна работать по его точнымъ порученіямъ. — Какъ именно она ихъ исполняетъ, это можетъ быть, по обстоятельствамъ дѣла, предоставлено въ ея полное вѣдѣніе, но *инициатива* должна исходить отъ С. Кто пожелаетъ точно опредѣлить, что можетъ сдѣлать самъ С. и что—полиція, пусть прочтетъ весьма интересно написанную книгу Рудольфа фонъ-Фельзенталя «Aus der Praxis eines österreichischen Polizeibeamten. Wien. Manz. 1853 г.», въ которой изла-

гается исторія изобличенія извѣстнаго въ свое время Петра фонъ-Бооръ, обвинявшагося въ рядѣ поддѣлокъ банковыхъ билетовъ. Каждый С. С. можетъ многому поучиться при чтеніи этой книги; такъ удачна и цѣлесообразна была дѣятельность полиціи по этому дѣлу, и въ то же время С. вынесетъ изъ нея ясное представленіе, что именно изъ всего сдѣланнаго полиціей могло бы быть и дѣломъ самаго С. и что онъ не могъ дѣлать.

Впрочемъ, я нахожу, что полиціи часто отводятъ совершенно невѣрную роль: или ставятъ ее слишкомъ низко, или слишкомъ высоко,—*низко*, когда С. не считаетъ нужнымъ идти съ нею рука объ руку, работать вмѣстѣ съ нею, когда онъ слишкомъ рѣзко проводитъ границы между областями дѣятельности своей и полиціи; слишкомъ *высоко*, когда С. предоставляетъ полиціи полную самостоятельность, позволяетъ дѣлать ей, что угодно, и считаетъ не подлежащими провѣркѣ и законченными тѣ обстоятельства, которыя будутъ ею обнаружены безъ его участія. Правильное положеніе полиціи будетъ отведено въ томъ случаѣ, если С. С. не будетъ себя *ни возвышать, ни унижать* предъ полиціей и, въ интересахъ дѣла, будетъ работать съ нею рука объ руку, будетъ постоянно сообщать ей о новыхъ обстоятельствахъ, добытыхъ имъ, и *только то* поставить себѣ въ дѣйствительную заслугу, что доведетъ дѣло до удачнаго конца. Но разъ С. С., безъ всякой съ своей стороны надменности, будетъ работать рука объ руку съ полиціей, то онъ долженъ самымъ настойчивымъ образомъ требовать и поставить дѣло такъ, чтобы руководство и направленіе дѣйствіями полиціи всецѣло перешло къ нему, чтобы ничто не происходило безъ его вѣдома, и чтобы всѣ его порученія исполнялись по его указаніямъ. Съ такимъ положеніемъ всякій вѣрный своему долгу полицейскій чиновникъ охотно и добровольно согласится, а это лишь послужитъ на пользу дѣлу правосудія. С. С. же будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи лицъ, ему преданныхъ, которые, съ довѣріемъ относясь къ нему, скоро и точно будутъ исполнять всѣ его порученія. Но С. долженъ хорошо знать этихъ людей, знать ихъ *вообще* и знать ихъ взгляды по каждому *отдѣльному* дѣлу.

Положимъ, что какое нибудь болѣе выдающееся дѣло выяснилось настолько, что явилось на кого либо подозрѣніе, или установилось твердое убѣжденіе объ истинномъ характерѣ событія (былъ ли грабежъ, или было ложное заявленіе о грабежѣ съ цѣлью сокрытія растраты). С. даетъ слѣдствію определенное направленіе, руководствуясь *однимъ* своимъ личнымъ убѣжденіемъ. Предположимъ за-

тѣмъ, что имѣются данныя, уличающія А въ совершеніи извѣстнаго преступленія и дающія основанія подвергнуть его задержанію и т. д. Но, какъ уже сказано, С. не долженъ вести слѣдствіе наугадъ только въ одномъ направленіи, т. е. что *только* А совершилъ это преступленіе: для пользы дѣла С. долженъ вести слѣдствіе одновременно и въ нѣсколькихъ другихъ направленіяхъ. Вотъ именно для такихъ случаевъ С. необходимо имѣть подвѣдомственныхъ ему лицъ, знать ихъ и умѣть ими пользоваться. И онъ будетъ ихъ *имѣть*, если установитъ надлежащія отношенія къ полиціи, будетъ ихъ *знать*, если до того времени былъ съ ними въ дѣловомъ общеніи, и съ успѣхомъ для дѣла будетъ ими *пользоваться*, если станетъ руководить ими прежде всего согласно съ ихъ природными качествами и образованіемъ, а затѣмъ соотвѣтственно ихъ взглядамъ на данное дѣло. Въ этомъ случаѣ должно сообразоваться со степенью развитія человѣка и давать каждому соотвѣтственное порученіе по его силамъ.

Предположимъ такой случай. Если нѣкоторые изъ полицейскихъ чиновъ заявили первое подозрѣніе на А, то весьма цѣлесообразно воспользоваться ихъ усердіемъ и доброй волей для разъясненія и раскрытія другихъ слѣдовъ именно въ *этомъ* направленіи и заставить ихъ искать новыхъ уликъ противъ А. Если же подозрѣніе это не вполне обосновано, то С. С. приметъ въ соображеніе, что имѣются *чины полиціи*, съ *другимъ* взглядомъ на дѣло и подозрѣвающіе совсѣмъ иное лицо В. Онъ можетъ выслушать и ихъ соображенія и, если подозрѣніе ихъ не окажется *абсолютно* лишенымъ основанія, то онъ поручитъ этимъ чинамъ полиціи дальнѣйшіе розыски. Если же среди чиновъ полиціи окажутся лица, имѣющія особый, третій взглядъ на дѣло, то и этимъ онъ долженъ поручить провѣрку ихъ предположеній, и тогда С. С. можетъ быть увѣреннымъ, что розыскъ порученъ надежнымъ лицамъ. Если такимъ образомъ С. С. приложить заботы къ тому, чтобы каждое, возможное въ данномъ дѣлѣ, направленіе или убѣжденіе было надлежащимъ образомъ выяснено, то онъ можетъ посвятить самъ свои силы въ томъ направленіи, какое лично считаетъ наиболѣе правильнымъ. Отъ времени до времени онъ будетъ провѣрять данныя, обнаруженныя работающими въ другихъ направленіяхъ, и сопоставлять ихъ съ результатами своей работы. Пусть даже при этомъ С. С. не убѣдится въ томъ, что другіе взгляды на дѣло болѣе правильны, этимъ онъ все-таки предотвратитъ возможность рискованныхъ и ложныхъ шаговъ. Довольно часто случается, что поли-

ція, задержавъ якобы виновнаго, препровождаетъ его на распоряженіе С. С. и послѣ этого считаетъ свою роль оконченною и складываетъ руки.—С. производитъ слѣдствіе въ этомъ направленіи и въ концѣ концовъ вынужденъ освободить задержаннаго, чѣмъ приводитъ въ смущеніе полицію. Болѣе, однако, ничего не остается дѣлать, и слѣдствіе прекращается «впредь до обнаруженія новыхъ обстоятельствъ». Но эти «новыя обстоятельства» никогда не появляются.

Весьма важное значеніе въ обращеніи съ полиціей имѣетъ отношеніе С. С. къ допущеннымъ ею ошибкамъ. Само собою разумѣется, что С., будучи строгимъ къ самому себѣ, долженъ такъ же строго относиться и ко всѣмъ, работающимъ совместно съ нимъ и подъ его руководствомъ, долженъ требовать отъ нихъ точнаго исполненія обязанностей, не допуская снисхожденія тамъ, гдѣ замѣчаетъ уклоненіе отъ таковыхъ. Но если случаются ошибки, происшедшія вслѣдствіе какого либо заблужденія или непониманія, то слѣдуетъ отнестись къ нимъ возможно снисходительнѣе, внушая подвѣдомственнымъ лицамъ, что въ дѣлахъ по огражденію общественной безопасности и отправленію правосудія болѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимо возможно быстрое признаніе въ сдѣланныхъ ошибкахъ. Должно прежде всего помнить, что именно въ этой области возможны наиболѣе частыя ошибки, и поэтому нигдѣ онѣ не должны быть прощаемы съ большею снисходительностью. Съ другой стороны слѣдуетъ постоянно твердить, что нигдѣ допущенная и не исправленная ошибка не приноситъ такого вреда, какъ именно въ дѣлахъ по разслѣдованію преступленій и обнаруженію виновныхъ, и нигдѣ замѣченная ошибка не исправляется такъ легко при условіи, если только она обнаружена сколь возможно быстро. Ни отъ кого нельзя требовать, чтобы онъ не дѣлалъ ошибокъ, но можно требовать, чтобы каждый, сдѣлавшій ошибку, немедленно въ ней сознавался и ее исправлялъ.—это есть самое серьезное требованіе, которое можно предъявить къ каждому честному и добросовѣстному уголовному дѣятелю.

Если спросить, на что собственно С. С. долженъ обращать вниманіе полиціи, то можно дать такой отвѣтъ, что въ общемъ это зависитъ отъ даннаго дѣла и что невозможно установить въ этомъ отношеніи какихъ либо общихъ правилъ. Можно только сказать, что главная дѣятельность С. должна быть направлена къ тому, чтобы «индивидуализировать» данное дѣло для подвѣдомственныхъ лицъ. На это способенъ лишь образованный человѣкъ, образован-

ный въ психологическомъ смыслѣ.—Опытнѣйшій же, самый исполнительный полицейскій чиновникъ этого сдѣлать не въ состояннн. *Индивидуализировать* дѣло можетъ только С., который, выдѣливъ одно дѣло изъ ряда ему подобныхъ, съумѣетъ отыскать въ немъ всѣ характерныя его особенности: въ обстановкѣ событiя, въ личностяхъ потерпѣвшаго и подозрѣваемаго, и затѣмъ исключить тѣ средства или пути, которыя безнадежны для розысковъ. Насколько труденъ и даже невозможенъ для полицейскаго чиновника этотъ процессъ распознаванiя характерныхъ особенностей дѣлъ, настолько же легко для него усваивать указанiя и способствовать выясненiю тѣхъ особенностей дѣла, на которыя обращено его вниманiе Слѣдователемъ.

Наконецъ, С. С. долженъ почти по каждому уголовному дѣлу—мы говоримъ здѣсь только о большихъ городахъ ¹⁾—обращать вниманiе полицин на такихъ лицъ, которыя по профессii своей всегда могутъ дать важныя свѣдѣнiя, а именно: на извозчиковъ, разсылныхъ и проституткокъ ²⁾. Всякому извѣстно, какое важное значенiе имѣютъ эти лица въ нашихъ дѣлахъ, и тѣмъ не менѣе весьма рѣдко прибѣгаютъ къ ихъ услугамъ. Значенiе этихъ лицъ заключается въ томъ, что 1) занятiя ихъ нерегулярны и вслѣдствiе этого имъ часто въ теченiе дня выпадаютъ случаи для наблюденiй и 2) эти люди дѣйствуютъ обыкновенно въ предѣлахъ извѣстнаго участка и поэтому могутъ наблюдать во время досуга какъ за обыкновенными происшествiями, такъ и за необыкновенными, изъ ряда выходящими. Отъ нихъ въ большинствѣ случаевъ можно узнать, какъ велъ себя *вообще* потерпѣвшiй или подозрѣваемый, что онъ дѣлалъ или чего не дѣлалъ, съ кѣмъ былъ знакомъ, сколько зарабатывалъ и тратилъ, когда выходилъ изъ дому и когда возвращался и т. д., и они же знаютъ, что съ нимъ случилось *необычнаго*, изъ ряда выходящаго (въ день, когда совершилось преступленiе), въ отношенiи его расходовъ, знакомства, прогулокъ и вообще поведенiя. Если удалось выяснить эти два момента: обычное и необычное поведенiе извѣстнаго лица, то почти всегда найдена нить къ дальнѣйшимъ розыскамъ.—*Другая* причина, свидѣтельствующая

¹⁾ См. Рошеръ. „Bedurfnisse d. modern. Krim. polizei“, въ цитир. Архивъ т. I, стр. 244.

²⁾ О связи между преступнымъ миромъ и проституцiей см. хорошую книгу „Kriminal. Streifzüge: Betrachtungen eines unpolitischen Praktikers“. Берлинъ. Сигизмундъ. 1894 г. Я бы охотно узналъ, кто—этотъ анонимъ-авторъ. Затѣмъ Ваумгартнеръ въ цитир. Архивѣ, т. 8, стр. 233 и т. II-я, стр. 1-я.

о значеніи этихъ трехъ категорій лицъ, лежитъ не столько въ нихъ самихъ, сколько въ томъ, что преступникъ въ весьма многихъ дѣлахъ, до совершенія преступленія или послѣ того, вступаетъ съ ними въ сношенія. Часто послѣ совершенія преступленія, у него въ рукахъ оказываются деньги, и онъ старается какъ можно скорѣе и незамѣтнѣе удалиться отъ мѣста преступленія: для этой цѣли онъ нанимаетъ извозчика. Ему приходится посылать письма, сбывать вещи или покупать: онъ пользуется услугами разсылнаго. Наконецъ, онъ хочетъ разсѣяться и забыться: онъ идетъ къ проституткамъ. — *Третья* причина важнаго значенія этихъ лицъ заключается въ извѣстной связи ихъ другъ съ другомъ, связи обширной, почти организованной: одинъ извозчикъ знаетъ почти всѣхъ другихъ извозчиковъ, разсылный знаетъ своихъ товарищей по ремеслу, равно какъ и проститутка своихъ подругъ по несчастію. Они состоятъ между собою въ нѣкоторомъ общеніи, и что извѣстно одному изъ нихъ, объ этомъ узнаютъ и остальные. Полиція такимъ образомъ всегда можетъ добыть отъ нихъ, что ей нужно. Но, конечно, это отнюдь не легко, если полицейскій чиновникъ, только на другой день послѣ совершенія убійства, захотѣлъ бы свести нужное ему знакомство съ извозчиками, разсылными и проститутками: — это дѣлать необходимо гораздо ранѣе. Онъ долженъ уже знать этихъ людей и заручиться ихъ довѣріемъ, — тогда онъ узнастъ все, что ему нужно. С. С. долженъ заранѣе обратить вниманіе чиновъ полиціи на важное значеніе этихъ людей въ дѣлѣ розыска. Не шпионовъ или сыщиковъ онъ долженъ выработывать, а только содѣйствовать тому, чтобы извѣстное число лицъ предназначалось для услугъ правосудію. Въ Англіи и Франціи къ этому давно привыкли, у насъ же еще слишкомъ мало.

Часто можетъ оказывать С. С. важныя услуги старинная поговорка: «cherchez la femme». Она звучитъ довольно романически, но каждый опытный практикъ можетъ подтвердить, что въ ней заключается много правды. Несомнѣнно, что относительно ея можно иной разъ ошибаться въ двоякомъ отношеніи: если думать, что непременно каждое преступленіе является подстрекательствомъ женщины, или же если довольствоваться тѣмъ, что въ слѣдствіи упоминалось о какой-нибудь женщинѣ. Въ первомъ случаѣ мы зашли бы слишкомъ далеко, а во второмъ мы не шли бы къ цѣли. Будетъ болѣе правильнымъ, если мы, безъ педантичнаго упрямства, поведемъ слѣдствіе, лишь имѣя въ виду предположеніе о закулисномъ вліяніи женщины. Не всегда мысль о преступленіи будетъ исходить

отъ нея, но за то весьма часто окажется, что важнѣйшіе поступки виновнаго, до или послѣ преступленія, совершались изъ-за нея или для нея. А это далеко не безразлично: если, при производствѣ слѣдствія, намъ не удастся вскрыть мотивы злодѣянія, то мы чувствуемъ всегда нѣкоторую неувѣренность и до той поры не придаемъ вѣры какому-либо событію, пока не убѣдимся въ томъ, что послужило мотивомъ къ нему. Совѣтую всегда и прежде всего ставить именно предположеніе, что въ дѣлѣ кроется участіе женщины. Конечно, нѣтъ необходимости, чтобы такъ было всегда, но такой приемъ въ началѣ слѣдствія я считаю нужнымъ особенно рекомендовать.

Начиная съ самыхъ незначительныхъ проступковъ, когда напр.: работникъ похищаетъ у своего хозяина овесъ, для того чтобы сшить своей возлюбленной пару башмаковъ, или когда лѣсной сторожъ станетъ заниматься недозволенной охотой, чтобы пощеголять предъ любовницей въ новомъ платьѣ,—и кончая самыми важными политическими дѣлами, когда напр. оскорбленная красавица составляетъ заговоръ для достиженія своихъ, опасныхъ для государства, плановъ,—вездѣ мы найдемъ женщину. Имущественныя преступленія совершаются нерѣдко для того, чтобы пріобрѣсти средства для вступленія въ бракъ съ невѣстой, или съ цѣлью промотать похищенное въ обществѣ проституттокъ. Большая часть дракъ на народныхъ гуляньяхъ происходитъ изъ-за дѣвушекъ; самое вѣрное мѣсто укрывательства похищенныхъ вещей находится у женщинъ, по внѣшности честныхъ; побѣгъ и сокрытіе преступниковъ въ большинствѣ случаевъ совершается при помощи женщинъ; въ крупныхъ мошенничествахъ и поддѣлкахъ монеть сбытъ поддѣланнаго почти всегда совершается женщинами; пользующіеся самою дурною извѣстностью игорные дома всегда состоятъ подъ вѣдѣніемъ женщины. Всѣ безчисленныя преступленія, совершенныя вслѣдствіе неудачной любви, происходили по винѣ женщинъ, и сколько сдѣлалось преступниками благодаря имъ!

Каждый опытный уголовный судья привыкъ искать женщины въ дѣлѣ: въ иныхъ случаяхъ это можетъ повести къ ошибкамъ, но совершенно упускать изъ виду провозглашенное правило: «cherchez la femme» не слѣдуетъ никогда.

5. О предвзятомъ взглядѣ на дѣло ¹⁾.

Вышеупомянутый приемъ, когда С. С. распоряжается о производствѣ параллельныхъ дознаній, въ разныхъ направленіяхъ провѣряющихъ одно другое, является вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшимъ и въ сущности даже единственнымъ средствомъ противъ тѣхъ крупныхъ заблужденій, въ которыя можетъ впадать С. благодаря заранѣе сложившемуся *предубѣжденному взгляду* на дѣло. — Такіе взгляды являются тѣмъ болѣе опасными, что имъ въ высшей степени легко поддаются наиболѣе усердные, увлекающіеся дѣломъ С.: тотъ, который относится къ слѣдствію, какъ ремесленникъ, равнодушно къ результатамъ своего труда, не склоненъ къ размышленіямъ надъ дѣломъ и предоставляетъ его случайному теченію. Именно при тщательномъ размышленіи надъ дѣломъ, легко найти такой пунктъ или фактъ, значеніе котораго можетъ быть понято или неправильно, или преувеличенно, и который поведетъ къ составленію извѣстнаго «убѣжденія», а отъ этого убѣжденія въ послѣдствіи далеко не такъ легко отказаться. При строгомъ вниманіи къ себѣ (у другихъ лицъ только въ исключительныхъ случаяхъ можно прослѣдить эти чисто психическія явленія), часто представляется случай наблюсти происхожденіе такихъ предубѣжденныхъ взглядовъ, и приходится удивляться, какъ повидному изъ совершенно случайныхъ, почти ничтожныхъ, или весьма условныхъ обстоятельствъ могъ сложиться такой взглядъ, и какъ много въ послѣдствіи потребовалось труда отрѣшиться отъ него, хотя бы несостоятельность такого взгляда его давнымъ давно не подлежала никакому сомнѣнію. Когда о дѣлѣ извѣстно только, что «что-то» совершилось, или когда передъ появленіемъ обвиняемаго, передъ поѣздкой на мѣсто преступленія, невольно вторгаются въ умъ различныя представленія,—конечно не безъ всякаго основанія, но часто только по исключительно внѣшнимъ даннымъ—напр.: «когда-то было уже нѣчто подобное», «гдѣ-то, въ другомъ мѣстѣ было нѣчто въ этомъ родѣ», «ужь давно ожидали, что именно такъ и случится», то этого достаточно: С. приступаетъ къ слѣдствію уже не свободнымъ отъ нѣкоторой предвзятости. Къ этому могутъ присоединиться совершенно случайный отзывъ кого нибудь, видъ какой нибудь извѣстной фізіономіи и тысяча другихъ случайностей, въ особенности же

¹⁾ Смотри „Criminalpsychologie“ д-ра Г. Гросса, Грацъ, стр. 561, и слѣд.

ассоціаціи идей, и въ концѣ концовъ складывается «предвзятый взглядъ», при полномъ отсутствіи какъ фактическихъ, такъ и юридическихъ основаній.

Прибавимъ къ этому и другіе возможные случаи. Извѣстное убѣжденіе составляется весьма часто такимъ путемъ: «если дѣйствительно подтвердятся обстоятельства А и В, то дѣло, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ понять такъ, а не иначе». Разсужденіе это можетъ быть совершенно логичнымъ. Но выясненіе этихъ ланныхъ А и В почему нибудь замедлилось, а сдѣланный ранѣ выводъ сохранился въ умѣ непоколебленнымъ и въ такомъ видѣ остается даже и тогда, если обстоятельства А и В совсѣмъ не подтвердились, т. е. не смотря на то, чтосылки, на которыхъ С. былъ построенъ извѣстный выводъ, оказались несоотвѣтствующими истинѣ.

Нерѣдко предубѣжденный взглядъ вырабатывается вслѣдствіе неправильнаго отношенія къ дѣлу, совершенно такъ же, какъ въ оптическомъ отношеніи можно извѣстный предметъ видѣть совсѣмъ иначе лишь благодаря особому его положенію; такъ же точно и въ психическомъ отношеніи можно разсматривать извѣстное событіе неправильно и не быть въ состояніи отрѣшиться отъ своего впечатлѣнія, болѣе того, постоянно стремиться къ тому, чтобы свое «предвзятое убѣжденіе» оправдать. Въ такихъ случаяхъ предубѣжденные взгляды, хотя бы несущественные, могутъ имѣть роковыя послѣдствія. Предположимъ, что получается донесеніе о поджогѣ въ отдаленной мѣстности,—невольнo составляешь себѣ живую картину всего происшедшаго и воображаешь сгорѣвшее зданіе—ранѣ никогда не виданное,—расположеннымъ, напр., хотъ по *левой* сторонѣ дороги. При производствѣ первыхъ распоряженій, предпринимаемыхъ С. еще въ мѣстѣ его пребыванія, представленіе это становится прочнѣе, видишь въ своемъ воображеніи всю картину событія на *левой* сторонѣ дороги; въ концѣ концовъ это представленіе настолько упрочивается, что складывается даже убѣжденіе, будто домъ находится именно на *левой* сторонѣ, и всѣ допросы производятся такъ, какъ будто Судебный Слѣдователь лично видѣлъ домъ именно на этой сторонѣ дороги. Если же впоследствии окажется, что строеніе находилось на *правой* сторонѣ, и обстоятельство это случайно при дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія останется неустовѣреннымъ, между тѣмъ для выясненія событія преступленія и изобличенія виновнаго оно имѣетъ значеніе, то это невѣрное представленіе, не смотря на кажущуюся незначительность, можетъ повести къ важнымъ заблужденіямъ.

Еще печальнѣе, чѣмъ всѣ эти случайности, являющіяся послѣдствіемъ собственно погрѣшностей мышленія, которыя со всѣми нами могутъ случиться, бывають ошибки, происходящія вслѣдствіе стремленія видѣть въ извѣстномъ дѣлѣ нѣчто болѣе важное, чѣмъ оно есть. Само собой разумѣется, что ни одинъ судья не будетъ умышенно преувеличивать истинное значеніе происшествія, но въ самой природѣ человѣка лежитъ стремленіе предпочитать выдающееся будничному, нерѣдко искать романическую подкладку тамъ, гдѣ ея нѣтъ, съ большею охотой выслушивать о страшномъ, неслыханномъ, нежели о заурядномъ и простомъ. Такова уже природа человѣка, съ тою разницею, что у однихъ она проявляется болѣе откровенно, а у другихъ скрытно. — Подтвержденіе этому можно видѣть въ томъ, что предпочитается для чтенія, какіе факты занимають общественное вниманіе и получаютъ наибольшую извѣстность. Въ сущности это вовсе не печально: стремленіе къ преувеличенію есть вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе къ украшенію, и если бы не было перваго, не было бы понятія о прекрасномъ, понятія о поэзіи. Но въ нашей области С. С., если не желаетъ сдѣлаться въ высшей степени опаснымъ и вреднымъ дѣятелемъ, долженъ самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ образомъ избѣгать малѣйшаго преувеличенія. Пусть не говорятъ, что, само собой разумѣется, С. С. не допуститъ себя до преувеличенія. Пусть каждый съ этой цѣлью припомнитъ и прослѣдитъ работы свои и другихъ, убѣдится ли онъ въ отсутствіи преувеличеній. Они вкрадываются невольнo и незамѣтно, и разъ преувеличеніе вкралось, то никто не въ состояніи указать его границы. Спасти отъ этого можетъ лишь строжайшее вниманіе къ себѣ, неослабное систематическое контролированіе своихъ взглядовъ и дѣйствій, непрерывная провѣрка и отбрасываніе всего, что хотя бы самымъ отдаленнымъ образомъ имѣло характеръ преувеличенія. И это потому, что разъ отъ хорошаго С. требуютъ извѣстнаго подъема духа, увлеченія дѣломъ, то у лучшихъ изъ нихъ всегда окажется затаенное стремленіе къ «фантастическимъ построеніямъ»:—это стремленіе слѣдуетъ вскрывать путемъ внимательнаго наблюденія надъ собой и искоренять строгимъ дисциплинированіемъ своихъ помысловъ.

Одинъ изъ геніальныхъ психіатровъ, д-ръ Крафтъ Эбингъ (Lehrbuch d. Psychiatrie. Штутгартъ, 1898), утверждалъ, что художники, поэты и всѣ болѣе или менѣе выдающіеся авторы въ большинствѣ случаевъ—невропаты. Этимъ онъ вовсе не желалъ сказать, что занятія этихъ лицъ дѣлають ихъ ненормальными, Крафтъ

Эбингъ выразилъ лишь ту мысль, что извѣстныя (невропатическія) предрасположенія сдѣлали ихъ тѣмъ, что они собою представляютъ. Но такія предрасположенія могутъ существовать и у многихъ лицъ иныхъ, менѣе высокихъ, профессій и, если этихъ лицъ нельзя отнести къ невропатамъ, по опредѣленію Крафта Эбинга, — тѣмъ не менѣе первая система ихъ можетъ оказаться возбуждимою и до проявленія поэтической жилки. Я повторяю: такія лица — лучшіе изъ С. С., но чѣмъ выше ихъ дарованія, тѣмъ большую отвѣтственность они должны нести.

Совершенно особо стоятъ тѣ предубѣжденные взгляды, которые происходятъ вслѣдствіе стремленія строго придерживаться смысла *первоначальной* жалобы или заявленія; — то или другое сдѣлано подъ первымъ впечатлѣніемъ и сообразно ему возникло извѣстное дѣло; но еще вопросъ, сохранить ли *первое* впечатлѣніе, при дальнѣйшемъ производствѣ, свой прежній видъ. Понятно, что въ данномъ случаѣ мы говоримъ не о мелочахъ, а главнымъ образомъ о составѣ преступленія.

Къ числу наиболѣе важныхъ въ этомъ отношеніи дѣлъ принадлежатъ такія, въ которыхъ убійства, по первоначальнымъ сообщеніямъ, фигурируютъ или какъ самоубійства, или какъ «загадочные смертные случаи». Нельзя не обращать особаго вниманія именно на такія дѣла: объ нихъ говорится ниже: объ отравленіи — въ 16 главѣ § 6, о лишеніи жизни посредствомъ огнестрѣльнаго оружія — въ той же главѣ § 3, объ удавленіи — тамъ же § 4. Затѣмъ слѣдуетъ имѣть особое вниманіе къ дѣламъ объ утонувшихъ, упавшихъ съ высокихъ мѣстъ, задохшихся и умершихъ вслѣдствіе «внезапныхъ заболѣваній» (съ появленіемъ рвоты, поноса, судорогъ и т. п.). — Я позволяю себѣ утверждать, что ужасающій процентъ такихъ смертныхъ случаевъ совершился не безъ посторонней руки.

Кромѣ того, цѣлый рядъ другихъ преступленій впоследствии, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи, можетъ совершенно измѣнить тотъ видъ, какой они имѣли по первому сообщенію. Опытный С. къ цѣлому ряду преступленій уже съ самаго начала относится съ недоувѣріемъ и всегда оставляетъ открытымъ вопросъ, не имѣетъ ли онъ дѣло съ чѣмъ-то совершенно инымъ. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ поставить грабежъ. Это тяжкое преступленіе въ настоящее время совершается относительно рѣдко, но жалобы о «грабежѣ» поступаютъ часто, напр. съ цѣлью замаскировать потерю денегъ и т. п. Поэтому слѣдуетъ быть осторожнымъ, когда приносится жалоба о насильственномъ отнятіи *доверенныхъ*

денегъ; даже тяжелыя поврежденія, будто бы полученныя потерпѣвшимъ, не должны вводить въ обманъ; весьма нерѣдко причиняетъ ихъ самъ себѣ человѣкъ, который ввѣренныя деньги потерялъ, проигралъ, промоталъ или спряталъ. Въ моей практикѣ было два случая, въ которыхъ поселяне, проигравъ деньги, вырученныя отъ продажи скота, заявили о грабежѣ только для того, чтобы оградить себя отъ упрековъ своихъ женъ.

Весьма аналогичны случаи изнасилованій, о которыхъ часто заявляютъ съ цѣлью скрыть утрату невинности и избѣгнуть срама, вызвать къ себѣ общее сочувствіе и сожалѣніе. — Особенно часты ложныя жалобы о нападеніяхъ съ цѣлью изнасилованія будто бы со стороны лицъ неизвѣстныхъ, мастеровыхъ, цыганъ и т. д. Но гораздо болѣе затруднительны для разслѣдованія случаи по жалобамъ на лицъ опредѣленныхъ, знакомыхъ для потерпѣвшей: почти безъ исключенія въ такихъ случаяхъ потерпѣвшія не заявляютъ на *настоящаго* виновника, обыкновенно выжидая появленія признаковъ беременности, и лишь въ этомъ случаѣ онѣ стараются устроить такъ, чтобы быть кѣмъ либо соблазненной, обольщенной и тогда взвести на него жалобу объ изнасилованіи. Къ несчастью, лживость такого рода жалобъ выясняется всегда довольно поздно, а именно: при рожденіи младенца, ибо только тогда обнаруживается, что зачатіе младенца послѣдовало ранѣе, чѣмъ совершился фактъ заявленнаго насилія. Поэтому слѣдуетъ подвергать освидѣтельствованію младенца немедленно послѣ его рожденія, для разрѣшенія вопроса, не находилась ли потерпѣвшая, въ день совершенія надъ нею насилія, уже въ состояніи беременности ¹⁾.

Нерѣдки случаи намѣреннаго причиненія себѣ тѣлесныхъ поврежденій; кромѣ случаевъ ложныхъ жалобъ о грабежѣ, они практикуются и въ видахъ корыстныхъ, для полученія вознагражденія за увѣчіе. Бываетъ, что послѣ обыкновенной драки одинъ изъ участниковъ заявляетъ о полученныхъ имъ поврежденіяхъ. Сюда относятся также случаи, когда поврежденія, полученныя давно, приписываются другому лицу, будто бы только что ихъ причинившему; это практикуется относительно застарѣлыхъ вывиховъ, глазныхъ и ушныхъ болѣзней и вообще физическихъ недостатковъ. Изъ поврежденій такого рода, являющихся предметомъ жалобы и

¹⁾ По свѣдѣніямъ Амоса, въ Англіи на 1 дѣйствительное доказанное изнасилованіе приходится 12 вымышленныхъ, а во Франціи почти половина дѣлъ объ изнасилованіи оканчиваются оправдательными приговорами.

относимыхъ къ дракамъ, истязаніямъ и пр., можетъ быть 50^о отно- сятся къ болѣе раннему времени.

Съ такую же осторожностью слѣдуетъ относиться къ увѣчіямъ, получаемымъ при обращеніи съ машинами и т. д., которыя почти всегда преувеличиваются и ставятся въ связь съ разными болѣз- нями, существовавшими гораздо ранѣе ¹⁾, при чемъ лечение этихъ болѣзней намѣренно затягивается. Всякому извѣстны случаи, когда, при состоятельности обвиняемаго, раны оставляются незаживающими и даже при помощи разныхъ средствъ приводятся въ состояніе худшее, съ цѣлью получения бѣльшаго вознагражденія.

Слишкомъ мало обращаютъ вниманія на тѣхъ шарлатановъ и недобросовѣстныхъ врачей, которые создаютъ для желающихъ искусственно разные физическіе недостатки. Особенно въ Россіи и въ пограничныхъ областяхъ выработанъ цѣлый промыселъ лицъ, устраивающихъ искусственно разные пороки и недостатки для тѣхъ, которые подлежатъ призыву на военную службу, а именно: порокъ сердца, грыжу, желтуху, разные язвы и увѣчья, кожные эмфиземы, — съ одною цѣлью освобожденія отъ воинской повинности ²⁾. Тѣ же шарлатаны устраиваютъ искусственно подобныя бо- лѣзни или пороки, или усиливаютъ существующія болѣзни и тѣмъ лицамъ, которыя предъявляютъ искъ о вознагражденіи за увѣчья. Это заслуживаетъ особаго вниманія!

Хотя и странны, но вовсе нерѣдки случаи самооскопленія, когда потерпѣвшіе обвиняютъ въ изувѣченіи обыкновенно стран- ствующихъ ремесленниковъ (проволочниковъ), вожатыхъ медвѣдей и другихъ, личности коихъ вообще неизвѣстны. Такое самоизувѣ- ченіе легко обнаруживается тѣмъ, что потерпѣвшій въ большин- ствѣ случаевъ вслѣдствіе боли не доводитъ операціи до конца, и тѣмъ, что преступленіе это имѣетъ мѣсто по преимуществу среди людей, отличающихся чрезмѣрнымъ религіознымъ фанатизмомъ и ведущихъ одинокую жизнь, напр., настуховъ, полевыхъ сторожей и т. п.

Изъ числа имущественныхъ преступленій чаще всего симу- лируются кража и поджогъ. Первая—въ тѣхъ случаяхъ, когда за-

¹⁾ Сюда относятся случаи такъ называемаго „травматическаго невроза“, нерѣдко заявляемые потерпѣвшими съ цѣлью шантажа (см. Опенгеймъ: „Die traumatischen Neurosen“, 2-е изд. Берлинъ 1892; Вихманъ „Der Werth der Symptome der sogen. traumatischen Neurose etc.“ Брауншвейгъ. 1892).

²⁾ Письмо бывшаго Дерптскаго профессора д-ра Коберта. См. Дерблиха: Die simulirten Krankheiten d. Wehrpflichtigen. Вѣна. 1880.

явленіемъ о совершенной кражѣ могутъ быть замаскированы упадокъ имущественнаго благосостоянія, совершеніе растраты и под. Несостоятельность такихъ заявленій доказать въ большей части случаевъ нетрудно, главное — въ томъ, чтобы С. С. всегда имѣлъ въ виду: «не вымыселъ ли—кража». Понятно, что не слѣдуетъ прежде времени высказывать это подозрѣніе, но въ этомъ направленіи должно произвести провѣрку *всѣхъ* данныхъ: сначала каково было бы положеніе вещей, если бы кража дѣйствительно случилась, а затѣмъ, что было бы, если бы кража была вымысломъ? При разслѣдованіи этихъ обстоятельствъ, С. не долженъ стѣсняться ни хорошею репутаціей, ни положеніемъ «потерпѣвшаго» въ обществѣ, ни удачной обстановкой происшествія, ни вообще подобными условіями. Въ этихъ случаяхъ важно не столько изобличеніе лживости жалобы, сколько огражденіе невинныхъ, на которыхъ можетъ упасть подозрѣніе, благодаря такимъ недостойнымъ продѣлкамъ.

Поджоги собственнаго имущества, объясняемые дѣйствіемъ посторонней руки, случаются, какъ извѣстно, довольно часто и по преимуществу дѣлаются ради полученія страховой преміи, но этимъ путемъ скрываются также раззореніе, несостоятельность, нерѣдко слѣды совершеннаго убійства или другого преступленія. Выясненіе этихъ послѣднихъ преступленій достигается не съ такимъ большимъ трудомъ, какъ это обыкновенно думаютъ. Главное въ томъ, чтобы всегда имѣть въ виду именно *возможность сокрытія другого* преступленія. Такія соображенія отнюдь не должны вести къ постоянному подозрѣнію извѣстнаго лица, но должны лишь служить къ расширенію области разслѣдованія. А для того, чтобы придти къ такимъ сомнѣніямъ и разгадать истинное положеніе вещей, необходимо только логически послѣдовательное сочетаніе и развитіе всѣхъ имѣющихся на лицо обстоятельствъ дѣла: всѣ собранныя данныя должны быть ясно установлены и отъ перваго до послѣдняго подвергнуты строго логической оцѣнкѣ. Тамъ, гдѣ эта цѣпь логически развивающихся данныхъ прерывается, возможно и допустимо подозрѣніе, и тогда слѣдуетъ поразмыслить, какимъ путемъ лучше всего можно выяснитъ и мотивировать обнаружившееся положеніе дѣла, и если такіе мотивы будутъ на лицо, то дальнѣйшее разслѣдованіе не представляетъ затрудненій.

6. О нѣкоторыхъ качествахъ С.

По вопросу о качествахъ, необходимыхъ для С., мы должны сказать, что С., строго говоря, долженъ обладать всѣми хорошими качествами, присущими человѣку; неустанное усердіе и рвеніе, самоотверженіе и твердость, остроуміе и знаніе людей, образованіе, безусловно вѣжливое отношеніе ко всѣмъ, желѣзное здоровье и свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія.—эти качества предполагаются сами собой, но на нѣкоторыхъ изъ нихъ я хочу остановиться, такъ какъ, мнѣ кажется, имъ придають слишкомъ малое значеніе.

Прежде всего я требую, чтобы С. С. обладалъ въ высшей степени тѣмъ качествомъ, которое выражается вполне только словомъ: *Schneidigkeit*, т. е. твердой рѣшительностью въ характерѣ и въ дѣйствіяхъ. Нѣтъ ничего болѣе печальнаго и вреднаго, какъ С. медлительный, малодушный и вялый; мнѣ думается, что эти послѣднія качества скорѣе можно было бы простить въ кавалеристѣ, но отнюдь не въ С., и у кого нѣтъ этой рѣшительности, тотъ долженъ избрать себѣ другую отрасль судебнаго дѣла: онъ никогда не будетъ хорошимъ С. Это качество С. долженъ проявлять не только въ томъ дѣлѣ, гдѣ онъ имѣетъ передъ собой раздраженнаго, или строптиваго обвиняемаго, или даже прибѣгающаго къ агрессивнымъ дѣйствіямъ, но и тогда, когда вдали отъ мѣста своего пребыванія одинъ, безъ чиновъ полиціи, долженъ подвергнуть такого обвиняемаго допросу или задержанію. Этимъ качествомъ онъ долженъ обладать и въ тѣхъ случаяхъ, когда ведетъ трудное, сложное и запутанное дѣло. Положительно непріятно видѣть такого С. С., который берется за дѣло медленно, неувѣренно въ себѣ, съ чувствомъ робости и при томъ, такъ сказать, надѣвъ на руки перчатки. Наоборотъ, сердце радуется, если приходится наблюдать дѣйствія С., энергичныя и твердыя, и проведеніе этой энергіи отъ начала и до конца дѣла.

Часто талантъ и многолѣтнюю опытность съ успѣхомъ замѣняетъ только одна энергія, а гдѣ и энергіи нѣтъ, то ея уже не чѣмъ замѣнить, и точно такъ же, какъ для всякаго человѣка, такъ особенно для насъ, уголовныхъ дѣятелей, имѣютъ значеніе несравненныя слова Гете: «Не клади свою руку въ гнѣздо осы, но если ты на это рѣшишься, то бей смѣлѣ».

Въ извѣстномъ отношеніи С. С. долженъ обладать также способностью къ самоотверженію. Успѣхъ его работы долженъ быть ре-

зультатомъ самоотверженнаго, спокойнаго и *безусловно* честнаго труда, причемъ онъ долженъ отказаться съ самаго начала отъ всякаго внѣшняго и блестящаго успѣха. Пускай вызываютъ удивленіе публики чрезвычайная ловкость полицейскаго агента, эффектная рѣчь прокурора, талантливое управленіе ходомъ засѣданія предсѣдателя суда, — С. С., долженъ отказаться отъ всего этого: его тяжелый, утомительный трудъ скрыть въ молчаливыхъ актахъ и бумагахъ слѣдствія, и оцѣнка его труда, изнурительной, б. можетъ, умственной работы, удачныхъ комбинацій, его всестороннихъ познаний предоставлена лишь тѣмъ немногимъ лицамъ, которымъ приходится изучать подлинное дѣло, и часто плоды талантливой работы С. пожинаяются не имъ, а этими лицами.

За малѣйшую ошибку, хотя бы и совершенно маловажную и при томъ могущую быть обнаруженной лишь впоследствии, С. С. подвергается пареканіямъ, а его трудъ и заслуги рѣдко кѣмъ оцѣниваются по достоинству. Пусть С. С. заблаговременно уяснитъ себѣ эти печальныя истины и рѣшитъ при этомъ, въ состояніи ли онъ удовлетвориться тѣмъ вознагражденіемъ за свой трудъ, которое въ большинствѣ случаевъ заключается лишь въ сознаніи вѣрно исполненнаго долга.

Другимъ качествомъ, безусловно необходимымъ для С. С., является чрезвычайная *точность*. Это не значитъ только то, чтобы все было записано въ протоколъ именно такъ, въ какомъ порядкѣ С. производилъ осмотръ и какъ показывали свидѣтели: это разумѣется само собой. Подъ этимъ словомъ я понимаю такое отношеніе къ дѣлу, при которомъ С. С. не удовлетворяется одними заявленіями или сообщеніями другихъ, если возможно установить истину только путемъ лично произведенныхъ дѣйствій и болѣе тщательнаго разслѣдованія. Я не о томъ хочу сказать, чтобы С. работалъ *аккуратно*, и поэтому вмѣсто этого слова употребляю другое: *точность*, имѣющее хотя и почти то же значеніе, но съ особеннымъ оттѣнкомъ, почему оно и употребляется нынѣ преимущественно въ научномъ смыслѣ. Высокое состояніе современной науки и достигнуто именно вслѣдствіе «точныхъ» изслѣдованій и работъ, и если сравнить современную научную книгу въ какой бы то ни было отрасли знанія съ подобною ей, но написанной нѣсколько десятилѣтій назадъ, и если мы спросимъ, въ чемъ именно заключается различіе способовъ изслѣдованія одного и того же предмета, то мы придемъ къ такому заключенію, что въ настоящее время трудъ носитъ болѣе точный характеръ, чѣмъ ранѣе.

Само собой разумѣется, изслѣдователь долженъ приходить къ какому-нибудь «открытію», но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ преимущество всегда будетъ принадлежать тому изслѣдователю, работы котораго будутъ носить болѣе точный характеръ. Блестящія идеи, расширяющія горизонты человѣческой мысли, которыми ученые поражали міръ, часто были не столько гениальною вдохновенною внезапностью, сколько плодомъ точнѣйшихъ изслѣдованій. Аккуратное отношеніе къ дѣлу, разслѣдованіе его до мельчайшихъ подробностей, безчисленныя сличенія, кропотливые опыты, говоря короче, выясненіе природы, существа предмета раскрываютъ столь многочисленныя стороны дѣла во всѣхъ фазахъ его развитія, что новые взгляды, новыя идеи являются сами собой, и разъ эти идеи правильно поняты и оцѣнены, то онѣ могутъ повести къ серьезному несомнѣнному успѣху.

Убѣдившись въ важномъ значеніи «точности» труда во всѣхъ сферахъ, въ какія проникаетъ пытливость человѣческаго ума, мы должны примѣнить ее также и къ нашему дѣлу. Что значитъ работать «точно»? Ни что иное, какъ: «не вѣрить другому, а смотрѣть самому, не вѣрить себѣ, а смотрѣть снова и снова». Кто будетъ такъ дѣлать, тотъ будетъ работать «точно», и сотни заблужденій во всѣхъ сферахъ человѣческаго знанія могли бы быть избѣгнуты, если бы только не строили нѣкоторые своихъ заключеній на непровѣренныхъ сообщеніяхъ другихъ, и если бы не признавали возможное за несомнѣнное, *разъ* наблюденное за *постоянно* бывающее. Въ нашей же дѣятельности мы имѣемъ возможность лично наблюдать и повторять свои наблюденія только въ самыхъ немногочисленныхъ случаяхъ. По преимуществу мы должны полагаться на то, что говорятъ намъ другіе, — въ этомъ и заключается вся трудность и несовершенство нашихъ разслѣдованій. Недостаткамъ этимъ можно однако въ значительной мѣрѣ положить предѣлы, если съ одной стороны дѣйствовать лично тамъ, гдѣ только есть для этого возможность, а не ограничиваться одними сообщеніями другихъ лицъ, и если мы съ другой стороны этимъ самымъ сообщеніямъ будемъ давать болѣе точное содержаніе посредствомъ провѣрки, насколько правдиво и правильно лицо сообщающее передало о чемъ либо, — прибѣгая для этого къ нагляднымъ приемамъ, сравненіямъ и опытамъ. Какъ достигнуть перваго, указать легко: «убѣждайся въ правдивости сообщеннаго лично, производи личные осмотры, измѣренія, провѣрай и соображай на мѣстѣ». И если дѣло идетъ о предметѣ несложномъ, для удостовѣренія котораго достаточно лишь про-

стой тщательности, то, не полагаясь на *приблизительныя* указанія, основывайся лишь на несомнѣнныхъ данныхъ, сообщенныхъ полиціей на основаніи *особаго о томъ* порученія.

Въ одномъ серьезномъ дѣлѣ С. С. на основаніи ряда обстоятельныхъ комбинацій пришелъ къ такимъ важнымъ выводамъ, которые могли имѣть рѣшающее значеніе для дальнѣйшаго хода дѣла. Въ послѣднюю минуту одному лицу, принимавшему самое незначительное участіе при слѣдствіи, вздумалось спросить: дѣйствительно ли не подлежитъ сомнѣнію, что отъ одного извѣстнаго мѣста до другаго двѣ тысячи шаговъ,—какое обстоятельство было однимъ изъ краугольныхъ камней искусно построенной системы обвиненія. «Но вѣдь два свидѣтеля удостовѣрили, что это разстояніе равняется двумъ тысячамъ шаговъ». Однако рѣшили провѣрить это обстоятельство черезъ полицейскаго чиновника, и когда при этомъ оказалось вмѣсто 2000 только 450 шаговъ, то всѣ сдѣланные выводы получили значеніе какъ разъ противоположное. Это характерный примѣръ изъ сотни ему подобныхъ, которые съ каждымъ изъ насъ могутъ случиться.

Гораздо труднѣе указать, какъ показаніямъ свидѣтелей и др. придавать болѣе точное содержаніе, если непосредственный осмотръ на мѣстѣ не представляется возможнымъ. Само собою разумѣется, я имѣю въ виду только тѣ случаи, когда свидѣтель *желаетъ* сказать правду и лишь неправильно понялъ происходившее. Вообще можно дать совѣтъ: прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ къ приему: «ad oculos demonstrare», къ провѣрочнымъ опытамъ. Положимъ, что свидѣтель говоритъ: «Х билъ меня по крайней мѣрѣ въ теченіе 10 минутъ». Я совѣтую въ этихъ случаяхъ предложить свидѣтелю посмотрѣть по часамъ, сколько времени требуется для того, чтобы минутная стрѣлка прошла 10 минутъ, и дѣйствительно ли Х билъ его столько времени. Спустя четверть минуты свидѣтель восклицаетъ: «ну дѣйствительно, онъ меня долѣе этого не билъ». Или же свидѣтель говоритъ: «я навѣрное могу утверждать, что крикъ, который я слышалъ, былъ снизу». Сдѣланный же опытъ на мѣстѣ доказываетъ, что свидѣтель не въ состояніи догадаться, былъ ли крикъ справа, слѣва, или снизу. Или свидѣтель говоритъ: «Х имѣлъ въ рукѣ, хотя я взглянулъ только мелькомъ, не болѣе 12 талеровъ». — Неужели вы можете опредѣлить это на взглядъ? — «Навѣрное». — «Сколько же вы видите у меня теперь въ рукѣ монетъ?» — «Ну приблизительно 12». Нѣтъ, 25. — Или напр. свидѣтель говоритъ: «увидавъ одинъ разъ человѣка, я его всегда потомъ узнаю» —

«Вы видѣли арестанта, котораго вывели отсюда, когда вы вошли ко мнѣ?—«Конечно, очень хорошо».—Въ такомъ случаѣ я попрошу васъ указать мнѣ его изъ числа 10 другихъ. Или напр. свидѣтель,—на важный для дѣла вопросъ о разстояніи отъ одного мѣста до другаго отвѣчаетъ, что это разстояніе равно 200 шагамъ. Слѣдуетъ повести этого свидѣтеля на улицу и предложить указать, до какого мѣста, по его опредѣленію, будетъ 100, 200, 300, 400 шаговъ. И если провѣрить эти новыя его указанія, то выяснится, насколько точно свидѣтель опредѣляетъ на глазъ разстоянія. Въ виду часто возникающей надобности въ опредѣленіи разстояній, рекомендуется заранѣе измѣрить разстояніе напр. отъ окна камеры С. С.—я до нѣкоторыхъ пунктовъ или предметовъ, внѣ находящихся. Такъ я лично, состоя въ должности Слѣдователя, заранѣе измѣрилъ и зналъ, что отъ окна моей камеры до угла улицы 65 шаговъ, до одного тополя на улицѣ 120 шаговъ, до ближайшей церкви 210 шаговъ, до небольшого домика 400 шаговъ, до насыпи желѣзно-дорожнаго полотна 950 шаговъ разстоянія—и, пользуясь этими данными, я безчисленное число разъ производилъ опыты со свидѣтелями, всегда съ успѣхомъ; въ случаяхъ хотя бы только приблизительной правильности опредѣленія ими этихъ разстояній, я оказывалъ довѣріе ихъ показаніямъ о разстояніи по данному дѣлу, въ противномъ же случаѣ я не вѣрилъ свидѣтелю. Или же я самъ исправлялъ неправильность показанія свидѣтеля, если оказывалось, что одинъ и тотъ же свидѣтель во всѣхъ случаяхъ обнаруживалъ свойство преувеличивать разстоянія, или наоборотъ.

Такіе и имъ подобные «провѣрочные» опыты принадлежать къ самымъ поучительнымъ, приводящимъ иногда къ поразительнымъ результатамъ. Всякій, кто попробуетъ примѣнять ихъ, скоро убѣдится въ неопредѣленной ихъ пользы.

Если точное отношеніе къ дѣлу необходимо при каждомъ, самомъ незначительномъ, слѣдственномъ дѣйствіи, то важность такого отношенія къ дѣлу выступаетъ на первый планъ при установленіи въ болѣе серьезныхъ дѣлахъ тѣхъ основныхъ данныхъ, на которыхъ будутъ опираться послѣдующія слѣдственныя дѣйствія,—при установленіи, такъ сказать, «операционнаго базиса». Вотъ именно здѣсь и случаются нерѣдко самыя крупныя недоразумѣнія. При чтеніи слѣдственныхъ производствъ по серьезнымъ дѣламъ какъ часто можно встрѣтить, что именно тогда, когда создавался этотъ «операционный базисъ», какое нибудь незначительное обстоятельство не было достаточно провѣрено, былъ сдѣланъ затѣмъ не-

правильный выводъ,—и все дальнѣйшее слѣдствіе, произведенное съ величайшею точностью и остроуміемъ, оказалось бесполезнымъ, какъ зданіе, прекрасно и тщательно построенное на шаткомъ основаніи.

Разскажу два случая, для лучшаго разъясненія сказаннаго. Въ первомъ изъ нихъ страннымъ образомъ вполнѣ выяснилось, что С. С. стоялъ продолжительное время надъ трупомъ убитаго чело-вѣка и — его не нашелъ. Въ одномъ большомъ городѣ на берегу рѣки найденъ былъ окровавленный пиджакъ, и такъ какъ одновременно съ этимъ безслѣдно исчезъ нѣкій І. С., проживавшій недалеко отъ мѣста нахождения пиджака, то были приняты мѣры къ розыску его; при этомъ выяснилось, что найденный пиджакъ принадлежитъ ему. Куда именно исчезъ І. С., дознать не оказалось возможнымъ. Только двѣ недѣли спустя одинъ старый пильщикъ заявилъ, что какъ-то утромъ (какъ было установлено, на другой день послѣ исчезновенія І. С.) на одномъ, указанномъ имъ мѣстѣ берега (но не на томъ, гдѣ нашли пиджакъ), онъ замѣтилъ значительные кровяные слѣды. Старикъ пильщикъ не умѣлъ читать и былъ довольно глуховатъ, такъ что объ исчезновеніи І. С. и о возможномъ убійствѣ его онъ узналъ слишкомъ поздно. То мѣсто, гдѣ имъ указаны кровяные слѣды, оказалось у самаго моста, русло рѣки въ этомъ мѣстѣ значительно суживалось, и берегъ былъ огороженъ довольно высокимъ каменнымъ барьеромъ. Въ этомъ мѣстѣ обыкновенно сваливали за барьеромъ свозимый съ улицы снѣгъ. Такъ какъ послѣ каждой снѣжной метели на этомъ мѣстѣ сваливались большія массы снѣга и кромѣ того зимою уровень воды почти никогда не достигалъ подножія барьера, то образовывался снѣжный холмъ сажени въ 2 высоты и ширины, который ставалъ только поздней весной. Судя по кровянымъ слѣдамъ, о которыхъ показалъ пильщикъ и которые съ того времени безслѣдно исчезли, пришли къ тому выводу, что убитый былъ сброшенъ на этотъ снѣжный холмъ черезъ рѣшетку, устроенную надъ барьеромъ, и затѣмъ былъ засыпанъ снѣгомъ, который выпалъ въ самую ночь его исчезнове-нія. При этомъ выяснилось также, что на другое утро весьма рано стали свозить съ улицъ снѣгъ и сваливать туда же. Все это происходило 15 декабря, 20 и 27 декабря снова выпалъ снѣгъ и сваливался въ то же мѣсто, но въ первый разъ 15 декабря снѣгъ выпалъ въ особенно большомъ количествѣ. Сдѣлано было распоряже-ніе разгребать снѣгъ и сбрасывать его въ рѣку, съ цѣлью розыс-кать трупъ. С. С. и приглашенные имъ лица были на мѣстѣ,

чтобы немедленно, въ случаѣ отысканія трупа, составить протоколъ. Между прочимъ С. обратился къ окружающимъ его лицамъ съ вопросомъ: дѣйствительно ли первый снѣгъ былъ 15 декабря, въ ночь, когда исчезъ І. С.? (С. спросилъ объ этомъ вслѣдствіе замятованія). Спрошенные отвѣтили, что 15 декабря былъ второй въ теченіе зимы снѣгъ, не очень большой, такъ что погибшій долженъ находиться на довольно высокомъ слоѣ снѣга перваго и самаго большаго выпада; при этомъ было упомянуто, что этотъ первый слой снѣга долженъ быть отъ 6—8 футовъ высоты. Въ силу этого рѣшили разгребать снѣгъ именно до перваго слоя, на которомъ убитый долженъ лежать. Когда наконецъ снѣгъ былъ настолько разгребенъ, что до земли осталось всего фута 4, то С. приостановилъ работу, придя къ заключенію, что старый и глухой пильщикъ, очевидно, ошибся.—Но на самомъ дѣлѣ пильщикъ не ошибся: когда весною снѣжный холмъ растаялъ до земли, то на самой землѣ оказался трупъ убитаго І. С. и какъ разъ на томъ мѣстѣ, надъ которымъ С. стоялъ въ теченіе работы нѣсколько часовъ.—Оказалось тогда, что лица, у которыхъ С. спросилъ о времени перваго снѣга, ошиблись: снѣгъ 15 декабря не былъ вторымъ, а первымъ,—трупъ значить былъ сброшенъ черезъ барьеръ въ то время, когда снѣга еще не было и потому его слѣдовало искать въ самомъ низу, и если бы С. С. въ тотъ разъ выяснилъ «точно», когда именно выпалъ первый снѣгъ, то сугробъ былъ бы разрытъ до основанія, и трупъ былъ бы найденъ. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, и виновный до сихъ поръ не обнаруженъ.

Второй случай—также убійство—показываетъ, какъ вслѣдствіе невѣрныхъ показаній цѣлаго ряда свидѣтелей подозрѣніе можетъ быть направлено съ настоящаго виновнаго на невиннаго чловѣка.

Двое обнищавшихъ крестьянъ, пользовавшихся плохую репутацией, Сп. и Б. уговорили третьяго, зажиточнаго крестьянина Т. отправиться вмѣстѣ съ ними на базаръ въ одно довольно отдаленное мѣстечко, чтобы закупить быковъ. Они вышли изъ своей деревни С. рано утромъ, дошли до Л., здѣсь пообѣдали и пошли далѣе въ 3 часа. Намѣреніе ихъ было идти черезъ Ф. до Ст., чтобы тамъ переночевать и на другой день прибыть на базаръ М., до котораго отъ Ст.—всего часъ ходьбы. На другое утро Т. былъ найденъ въ канавѣ между мѣстечками Л. и Ф., ближе къ Ф., въ безчувственномъ состояніи: на затылкѣ его оказались тяжкія поврежденія. На другой день Т. пришелъ въ сознаніе и рассказалъ слѣд.: всѣ трое, какъ выше было сказано, въ 3 часа дня—въ это

время били церковные часы—послѣ обѣденнаго отдыха вышли изъ .І. и пошли по большой дорогѣ; приблизительно часъ спустя Сп. и Б. вдругъ стали говорить, не отмѣненъ ли базаръ въ М. въ виду чумы, слѣдовало бы объ этомъ узнать въ ближайшей деревнѣ, лежащей въ сторонѣ отъ дороги. Т. возражалъ имъ, что такое предположеніе лишено основанія, и что кромѣ того объ этомъ можно справиться въ любомъ трактирѣ на дорогѣ; тамъ скорѣе объ этомъ знаютъ, чѣмъ въ какой-нибудь деревушкѣ въ сторонѣ отъ дороги; кромѣ того нѣтъ надобности, говорилъ Т., удлинять и безъ того неблизкій путь, дѣлая крюкъ въ сторону. Сп. и Б. однако оставались при своемъ мнѣніи, такъ что Т. догадался, что у нихъ есть въ той деревушкѣ какое-нибудь тайное дѣло, вѣроятно, какая-нибудь покупка скота, о которомъ Т. не долженъ былъ знать. Поэтому онъ сказалъ имъ, чтобы они шли въ ту деревню, а онъ будетъ тихо идти по той же дорогѣ, чтобы они могли его нагнать. Такъ какъ они долго не возвращались, то Т. сѣлъ на верстовомъ камнѣ у дороги, чтобы подождать товарищей и, такъ какъ былъ сильный вѣтеръ, поднимавшій съ дороги массы пыли, то онъ сѣлъ спиной къ дорогѣ. Вдругъ онъ получилъ сзади сильный ударъ по головѣ, и что было далѣе, онъ ничего не помнить. Деньги же, взятые имъ для покупки скота, исчезли. Нѣсколько дней спустя Т. умеръ вслѣдствіе поврежденій головы, при чемъ вторично онъ допрошенъ не былъ.—Сп. и Б. показали довольно согласно, что они дѣйствительно заходили въ деревню исключительно затѣмъ, чтобы узнать о базарѣ, о чемъ они и спросили въ одномъ трактирѣ у неизвѣстныхъ посѣтителей, послѣ чего пошли далѣе догонять Т., но, не найдя его нигдѣ на дорогѣ и даже не замѣтивъ его, лежавшаго въ дорожной канавѣ, рѣшили, что онъ успѣлъ дойти до Ф. или Ст.; не найдя же его и тамъ, они пошли на другой день на базаръ въ М. Только на обратномъ пути они будто бы услышали о полуживомъ забитомъ крестьянинѣ, и такъ какъ въ той мѣстности никто этого крестьянина не зналъ, то ихъ просили зайти посмотреть на него, положеннаго въ одной крестьянской избѣ,—тогда они признали своего спутника Т. То обстоятельство, что они не замѣтили его въ канавѣ, они объясняютъ тѣмъ, что, когда они проходили тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ былъ найденъ, было уже темно (дѣло было позднею осенью). Дальнѣйшее слѣдствіе привело къ тому предположенію, что Сп. и Б., очевидно, задумали при наступленіи темноты напасть на Т., убить его и ограбить: чтобы безпрепятственно сговориться объ этомъ, они придумали предлогъ о необходимости навести справки относительно

базара въ сосѣдней деревнѣ, такъ какъ они знали, что Т., какъ самый слабый изъ нихъ ходокъ, откажется отъ лишняго пути. Конечно, они не могли предусмотрѣть, что Т. сядетъ поджидать ихъ на дорогѣ и при томъ на камнѣ, спиной къ дорогѣ,—по всей вѣроятности, они предполагали избрать мѣстомъ преступленія лѣсъ, черезъ который они должны были идти по расчету времени уже при наступившей темнотѣ; увидавъ же его въ описанномъ выше положеніи, столь для нихъ удобномъ, и убѣдившись въ томъ, что на дорогѣ никого не видно, они немедленно воспользовались случаемъ и, нанеся ему ударъ сзади, ограбили его.

Въ пользу обвиняемыхъ было только то, что все ими рассказанное дѣйствительно было вполне возможно: Т. былъ убитъ и ограбленъ кѣмъ-либо неизвѣстнымъ, проходя же мимо него, они дѣйствительно могли не замѣтить его вслѣдствіе наступившей темноты. Былъ допрошенъ цѣлый рядъ лицъ изъ той мѣстности, которые единогласно показали, что если въ такое время года, когда происходило все описанное, выйти въ 3 часа дня изъ Л. и, сдѣлавъ крюкъ въ сторону на ту деревню, о которой говорили обвиняемые, то при медленной ходьбѣ утомленныхъ людей Сп. и его товарищъ должны были дойти до того мѣста, гдѣ былъ найденъ Т., дѣйствительно тогда, когда совершенно стемнѣетъ. То обстоятельство, что при выходѣ изъ Л. часы показывали ровно 3, было удостовѣрено также и тѣми лицами, которые находились въ томъ трактирѣ, гдѣ обѣдали наши три спутника, при чемъ, по словамъ этихъ свидѣтелей, одинъ изъ нихъ даже сказалъ громко: «пора идти, бьетъ 3 часа, намъ еще далеко».

Несмотря на всю слабость описанныхъ уликъ, дѣло однако окончилось осужденіемъ Сп. и Б.

Ранней весной осужденные однако исходатайствовали себѣ разрѣшеніе возобновить дѣло, и имъ дѣйствительно удалось ослабить нѣкоторыя улики. Они заявили подозрѣніе на одного человѣка съ дурною репутаціей, который какъ разъ въ той мѣстности бродилъ въ то же время, когда былъ найденъ Т., и, такъ какъ упомянутое обстоятельство, что они могли не замѣтить своего тяжело раненаго товарища, все еще служило самой вѣской «гирей» оправданія, то С. С. имѣлъ намѣреніе задержать этого человѣка и возобновить слѣдствіе. Но предварительно онъ рѣшилъ произвести мѣстный осмотръ и, такъ какъ не было возможности отложить дѣло до поздней осени, когда именно совершилось преступленіе, то онъ вытребовалъ отъ профессора астрономіи мѣстнаго университета

свѣдѣнія о томъ, какой весенній день по смѣнѣ свѣта и мрака (восхода и заката солнца) соответствуетъ указанному осеннему дню (дню совершенія преступленія) и, получивъ эти свѣдѣнія, онъ въ сопровожденіи лица прокурорскаго надзора въ опредѣленный профессоромъ день отправился на мѣсто. Они вышли изъ Л. ровно въ 3 часа, шли тихимъ шагомъ, какъ должны были идти утомленные. Сп., Б. и Т., зашли въ помянутую деревню въ сторонѣ отъ дороги, пробыли тамъ соответствующее время и наконецъ прибыли на мѣсто преступленія — *при полномъ дневномъ свѣтѣ*. Затѣмъ они произвели всевозможные опыты: одинъ за другимъ они ложились въ дорожную канаву, на то мѣсто, куда упалъ послѣ удара Т. и гдѣ онъ былъ найденъ на другой день, затѣмъ по очереди проходили мимо по дорогѣ и пришли къ убѣжденію, что, съ какой бы стороны дороги ни идти, нельзя было не замѣтить человѣка, лежащаго въ канавѣ. Только по окончаніи этихъ опытовъ, потребовавшихъ много времени, *наступили* сумерки, и такимъ образомъ выяснилось, что показанія всѣхъ ранѣ допрошенныхъ свидѣтелей были ошибочны, и что единственное обстоятельство, говорившее въ пользу подсудимыхъ, послѣ «точной» провѣрки оказалось даже не существовавшимъ.

Въ такомъ родѣ дѣла случаются нерѣдко, и съ каждымъ изъ насъ было нѣчто подобное, но именно по тому самому, что такія дѣла нерѣдки, слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на то безусловно важное значеніе, которое имѣетъ для дѣла самое точное установленіе того, что мы называемъ «операционнымъ базисомъ». Но дѣло въ томъ, что уже въ самой природѣ человѣка вложено стремленіе, какъ мы уже упоминали объ этомъ, хвататься за кажущіяся существенными обстоятельства, прежде чѣмъ таковыя будутъ удостовѣрены надлежащимъ образомъ. Человѣкъ слышитъ о чемъ либо, часто сказанномъ мимоходомъ, невзначай, какимъ нибудь изъ свидѣтелей, и легко склоняется къ тому, чтобы, разъ это обстоятельство подтвердится, дѣлать на основаніи его различные выводы. Эти выводы представляются вполне основательными, изъ нихъ дѣлаются слѣдующіе и т. д., дѣло становится интереснымъ и можетъ даже завершиться успѣхомъ. Всѣ послѣдовавшія заключенія провѣряются *наиточнѣйшимъ и тщательнѣйшимъ образомъ*, но что касается *перваго обстоятельства, на которомъ были основаны послѣдующія, насколько оно-то было правдоподобно, объ этомъ тѣмъ временемъ было забыто*. Полные усердія и желанія чего либо достигнуть, мы пренебрегли медленнымъ хладнокровнымъ зондиро-

ваніемъ каждаго добытаго результата, и все оказалось напраснымъ. Во избѣжаніе этого есть только одно средство: при производствѣ слѣдствія, каковъ бы ни былъ способъ работы: спокойный, быстрый, или даже стремительный, *необходимо дѣлать* перерывы для отдыха, во время которыхъ слѣдуетъ оглядываться назадъ, на пройденный путь. При этомъ всѣ отдѣльные эпизоды слѣдствія, съ самыхъ первоначальныхъ, должны быть подвергнуты анализу, самыя повидимому незначительныя данныя должны быть провѣрены, разложены на составныя части, и каждая изъ этихъ частей должна пройти черезъ тотъ же процессъ провѣрки, пока наконецъ не дойдемъ до элементовъ недѣлимыхъ. И каждый изъ этихъ недѣлимыхъ элементовъ также надлежитъ оцѣнить въ отношеніи его происхожденія, основательности и мотивовъ. Если по этой оцѣнкѣ элементы окажутся прочными, то слѣдуетъ осторожно соединить ихъ и подвергнуть все цѣлое въ совокупности новому разсмотрѣнію такъ, какъ будто мы имѣемъ дѣло съ этимъ цѣлымъ впервые. Въ большинствѣ случаевъ дѣло представится въ иномъ видѣ, нежели въ началѣ, т. е. въ то время, когда фактъ преступленія еще не былъ такъ хорошо извѣстенъ. Но разъ дѣло представило въ другомъ видѣ, то слѣдуетъ всегда поставить на разрѣшеніе вопросъ, не слѣдуетъ ли предпринять какія либо измѣненія въ прежнемъ планѣ слѣдствія.

И само собой разумѣется, что если итоги по окончаніи этой провѣрки совершенно не сойдутся съ прежними, то надо имѣть довольно самоотверженія, чтобы сказать самому себѣ: «Ты сдѣлалъ ошибку, начнемъ снова».

7. О знаніи людей.

Важнымъ условіемъ «точной» дѣятельности С. С. является основательное знаніе человѣка, какъ главнаго матеріала предварительнаго слѣдствія. Люди, такъ или иначе выступающіе въ слѣдствіи, въ этомъ положеніи суть ни что иное, какъ средства доказательства, и приносятъ дѣлу много или мало пользы, смотря потому, сумѣетъ ли С. съ ними обращаться. Какойнибудь слѣдъ человеческой ноги, усмотрѣнный на мѣстѣ преступленія, ровно ничего не составляетъ въ глазахъ неопытнаго С., и тотъ же слѣдъ получаетъ огромное значеніе, если С. сумѣетъ воспользоваться этимъ слѣдомъ, какъ доказательствомъ. Равномѣрно и свидѣтель неумѣлому С. или ничего не расскажетъ, либо покажетъ несущественное, или

совсѣмъ невѣрное, и тотъ же свидѣтель правдиво, точно и подробно покажетъ тому С., который съумѣетъ заглянуть въ его душу, понять его и съумѣетъ съ нимъ обойтись. Если же случается такъ, что С. С., не обладающій знаніемъ людей, однако достигаетъ успѣшныхъ результатовъ, то это не составляетъ его *личной* заслуги и объясняется тѣмъ, что допрошенные имъ лица случайно *пожелали* сказать правду. А если они этого не хотятъ, то все предварительное слѣдствіе принимаетъ видъ какой-то недостойной комедіи, въ которой допрашиваемые вели С. на помочахъ, вводили въ заблужденіе и вообще направляли его дѣятельность такъ, какъ *они* этого желали.—Такого учебника о познаніи человѣка, который заключалъ бы въ себѣ всѣ свѣдѣнія по этому вопросу, до сихъ поръ никѣмъ еще не составлено, да и не будетъ составлено, — остается поэтому только указать тѣ пособія, которыми возможно пользоваться въ особенныхъ случаяхъ.

Для насъ, уголовныхъ судей, такихъ пособій существуетъ очень немного, и самымъ существеннымъ, дѣйствительно драгоценнымъ изъ нихъ является изученіе прежнихъ дѣлъ о томъ же лицѣ, такъ что, если объ обвиняемомъ имѣются уже дѣла, бывшія ранѣе, то можно съ большимъ спокойствіемъ приступить къ работѣ. Если слѣдствіе возникло о преступленіи болѣе или менѣе серьезномъ, то эти прежнія дѣла слѣдуетъ изучать такъ, какъ будто они касаются настоящаго, послѣдняго преступленія. Недостаточно при этомъ ограничиться чтеніемъ протоколовъ допроса обвиняемаго и нѣсколькихъ другихъ важныхъ слѣдственныхъ дѣйствій: надо изучить все дѣло, шагъ за шагомъ прослѣдить послѣдовательное развитіе обнаруживавшейся по дѣлу виновности даннаго лица и сопоставить все съ имѣющимися по послѣднему дѣлу уликами. Замѣчательно, что люди, даже послѣ значительнаго промежутка времени, остаются одинаковы и въ способахъ оправданія, и защиты. Я не хочу этимъ сказать, что напр. лицо, сознавшееся разъ, и впредь будетъ сознаться, или напр. что оно для своего оправданія будетъ непременно заявлять подозрѣніе на какого нибудь изъ свидѣтелей обвиненія, какъ онъ это дѣлалъ ранѣе.—Такъ рабски ничего въ жизни не повторяется,—но вся картина, общее впечатлѣніе, полученное при допросѣ одного лица, всегда будетъ повторяться при каждомъ новомъ его допросѣ. Каждый, кто будетъ такъ поступать и предварительно изучить прежнія дѣла объ обвиняемомъ, при новомъ допросѣ на первыхъ порахъ получитъ такое впечатлѣніе: «вотъ этотъ разъ онъ иначе ведетъ себя». Но затѣмъ, при дальнѣйшемъ

допросъ мало по малу въ его воображеніи возстаетъ прежняя картина, и наконецъ складывается непререкаемое убѣжденіе: «и сегодня такъ же, какъ тогда», и С. видитъ тотъ же способъ обращенія, быть можетъ съ тою разницею, что за протекшее время челоуѣкъ этотъ большому научился, сталъ хитрѣе и осторожнѣе, или же состарился и утратилъ прежнюю энергію и ловкость. Но все таки и тѣнь того, что было, дастъ ясное и отчетливое представленіе о прежнемъ образѣ. Если о заподозрѣнномъ имѣется нѣсколько дѣлъ, и всѣ они будутъ тщательно изучены, то С. приобрететъ настолько совершенное пониманіе личности обвиняемаго, что будетъ даже въ состояніи предугадать, какъ онъ будетъ себя держать, какъ будетъ оправдываться и какіе будетъ давать отвѣты, какимъ изъ его отвѣтовъ можно придать вѣру и наоборотъ и какимъ образомъ уличить его во лжи. Но не только относительно обвиняемыхъ, но и относительно важныхъ свидѣтелей, бывшихъ ранѣе подъ судомъ, или выступавшихъ въ прежнихъ дѣлахъ въ качествѣ свидѣтелей, изученіе старыхъ дѣлъ можетъ оказать большія услуги, такъ какъ только этимъ путемъ можно лучше всего узнать, какъ съ свидѣтелемъ обращаться, въ чемъ ему вѣрить и какимъ образомъ легче всего возразить или опровергнуть его лживое показаніе.

✓ Другимъ средствомъ для изученія людей является напряженное вниманіе при допросахъ и неустанное стремленіе проникнуть въ душу каждаго свидѣтеля. Кто допрашиваетъ свидѣтелей только для того, чтобы ихъ допросить, и кто оканчиваетъ дѣла только для того, чтобы увеличить число номеровъ исходящаго журнала, тотъ, конечно, мало найдетъ случаевъ для изученія людей, но разъ онъ этого пожелаетъ, то каждое лицо, переступающее порогъ его камеры, съ этого момента можетъ стать любопытнымъ объектомъ изученія С. Къ манерѣ, какъ кто входитъ, осматривается, выслушиваетъ вопросы, даетъ отвѣты, самъ спрашиваетъ, говоря короче, какъ онъ себя ведетъ, ко всему этому рачительный С. С. ни подъ какимъ условіемъ, даже въ самомъ незначительномъ дѣлѣ, не долженъ относиться равнодушно. Въ каждомъ случаѣ онъ долженъ составлять себѣ мнѣніе о томъ, показалъ ли свидѣтель всю сущую правду, или только ложь, или же о чемъ нибудь умолчалъ, по какимъ мотивамъ онъ это сдѣлалъ, въ какой связи его показаніе находится съ остальными, имѣющими къ нему отношеніе, обстоятельствами дѣла, что имѣло для него въ той или иной мѣрѣ значеніе, какими онъ воспользовался средствами, чтобы показаніе свое представить, какъ правдивое, или удостовѣрить его.

То, что С. такимъ путемъ подмѣтилъ, или что ему показалось, онъ долженъ принять къ свѣдѣнію, или еще лучше, записать на память: при дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія оно можетъ оказаться цѣннымъ. Если же впоследствии выяснится новое обстоятельство, подтверждающее или опровергающее ранѣе сдѣланное наблюдение, то въ первомъ случаѣ получается доказательство справедливости этого наблюденія, а во второмъ случаѣ слѣдуетъ выяснить, вслѣдствіе чего и въ чемъ произошла ошибка въ наблюденіи.

Прежде, чѣмъ отослать дѣло, С. С., при необходимомъ общемъ осмотрѣ его, имѣетъ возможность еще разъ провѣрить свои наблюденія и сопоставить ихъ съ добытыми результатами; для этого требуется не мало времени и труда, но эта затрата вознаграждается приобрѣтеніемъ любопытныхъ и цѣнныхъ, въ смыслѣ опыта, свѣдѣній. Въ особенности, если удалось вполне выяснить запутанное дѣло и, при этомъ, вопреки ожиданіямъ, то весьма полезно просмотрѣть слѣдственное производство еще разъ и каждое свидѣтельское показаніе сопоставить съ общими результатами слѣдствія. При этомъ выяснится много новаго: почему свидѣтель такой-то давалъ свои показанія такъ медлительно, почему другой такъ былъ смущенъ,—становится понятнымъ цѣлый рядъ двусмысленныхъ, неопредѣленныхъ показаній, обнаруживается связь между обстоятельствами, повидимому не имѣющими между собою ничего общаго, дѣлаются ясными сомнѣнія однихъ, увѣренность другихъ. Весь приобрѣтенный такимъ образомъ опытъ принесетъ пользу неоцѣненную въ послѣдующей дѣятельности С.

Но главнѣйшее средство для изученія людей С. С. можетъ найти не въ служебной своей дѣятельности, а въ повседневной, обыденной жизни, въ самыхъ простыхъ, будничныхъ сношеніяхъ съ людьми. Правда, мы можемъ учиться и на работѣ, и каждое дѣло даетъ намъ что-либо новое,—но серьезная дѣятельность, всецѣло захватывающая наше вниманіе и силы, непригодна для обученія,—кто хочетъ работать, тотъ долженъ быть уже обученнымъ, онъ можетъ довершать свое образованіе и въ этомъ смыслѣ учиться, но основное обученіе должно быть закончено ранѣе. И это главнымъ образомъ потому, что никакое ученіе не обходится безъ опытовъ, а опыты можно допустить лишь въ частной жизни, но отнюдь не при отправленіи службы. Въ повседневной же жизни для указанной цѣли можетъ быть полезнымъ все: всякій разговоръ, случайно брошенное слово, чей-нибудь поступокъ или дѣятельность, внѣшность людей, походка ихъ, каждое движеніе, выраженіе лица,—

при томъ безразлично, видимъ ли мы это выраженіе въ теченіе ряда лѣтъ или только въ одно мгновеніе,—все это слѣдуетъ подмѣчать, изучать, продумать и сопоставлять съ подобными же наблюденіями прошлаго времени. Для такихъ наблюденій слѣдовало бы заводить особую книгу, въ которую заносить наблюденія о всѣхъ поступкахъ, словахъ, выраженіяхъ лица у тѣхъ людей, съ которыми встрѣчаемся, и при каждой новой встрѣчѣ съ тѣми же лицами сравнивать наблюденія, провѣрять и дѣлать соотвѣтственныя заключенія, и кто окажется настолько мудрымъ, что будетъ вести свой дневникъ, тотъ превосходно сдѣлаетъ, если будетъ заносить туда преимущественно свои наблюденія, какъ надъ самимъ собой, такъ и надъ другими. Но и не прибѣгая къ письменнымъ отмѣткамъ, можно кое-чему учиться: тѣ впечатлѣнія, которыя производятъ на насъ поступки другихъ людей, по большей части довольно хорошо сохраняются въ памяти, и мы не легко забываемъ о разочарованіяхъ, постигшихъ насъ относительно характера другихъ лицъ. Кто относится къ жизни легко, не вдумываясь въ нее, у того отъ этихъ разочарованій въ результатъ получается лишь чувство горечи, но тотъ, кто умѣетъ пользоваться и извлекать уроки изъ жизненныхъ испытаній, тотъ приобретаетъ то, что называется жизненною мудростью. «Нѣтъ болѣе цѣлесообразнаго употребленія денегъ, какъ именно тогда, когда по винѣ другихъ мы лишаемся ихъ,—потому что взаимно ихъ мы приобретаемъ жизненную мудрость»,—говоритъ философъ Шопенгауэръ.

Совершенно такъ же слѣдуетъ относиться ко всѣмъ жизненнымъ неудачамъ, постигающимъ насъ:—причина ихъ всегда лежитъ въ ошибочности нашихъ надеждъ и предположеній, и если мы вмѣсто безполезнаго ропота будемъ разсматривать наши несчастія, какъ такія событія, смыслъ которыхъ мы должны разгадать,—спрашивая себя, какъ все это могло случиться, то, конечно, мы вынесемъ изъ нихъ богатый жизненный опытъ. При всякой неудачѣ мы должны припомнить, какъ возникло наше первое предположеніе, сопоставить его съ неудачнымъ исходомъ и, разъ мы найдемъ ошибку, мы ее уже болѣе никогда не повторимъ, а приобретенную опытность нашу примѣнимъ и къ служебной дѣятельности.

Но, независимо отъ этого, и каждое мелкое наблюденіе, подмѣченное нами, можетъ въ послѣдствіи оказаться имѣющимъ огромную важность. Мы что-то слышали и повѣрили, но въ послѣдствіи это оказалось неправдою; мы что-то слышали и не повѣрили, но въ послѣдствіи узнали, что это была правда. И то, и другое для

насъ въ сущности безразлично, но будетъ весьма полезно и поучительно, если мы попробуемъ спросить: а почему мы въ томъ и другомъ случаѣ ошиблись, и почему результатъ оказался несоответствующимъ нашимъ ожиданіямъ? Могли ли мы какимъ-нибудь образомъ и въ томъ, и въ другомъ случаѣ угадать правду? Позднѣйшія событія, быть можетъ, уяснятъ намъ, почему дѣло было представлено въ невѣрномъ видѣ, и что именно ввело насъ въ обманъ; сопоставивъ же добытыя такимъ путемъ свѣдѣнія съ существовавшими у насъ ранѣе, мы приходимъ къ выводу, какъ намъ слѣдовало въ то время отнестись къ полученнымъ сообщеніямъ. Послѣ неоднократныхъ опытовъ въ этомъ смыслѣ мы уже не впадемъ въ ошибку.

Особенно поучительнымъ въ наблюденіяхъ надъ обыденною жизнью является изслѣдованіе мотивовъ лжи. Обыкновенно, когда намъ приходится обнаруживать лживость сообщенныхъ намъ свѣдѣній, мы по большей части оставляемъ это безъ разслѣдованія, — какъ скоро ложь эта для насъ безразлична. — Но если мы желаемъ и отсюда извлечь для себя полезное, то мы должны постараться, — конечно, позволительными способами, — лучше всего откровенными разспросами выяснить, почему именно тогда намъ было сообщено невѣрно, и въ большинствѣ случаевъ мы увидимъ, что не вслѣдствіе порочности, а главнымъ образомъ вслѣдствіе слабости и мелочности, свойственной вообще человѣку, сообщили намъ ложь. Вообще въ жизни намъ придется убѣдиться не разъ, что ложь распространена среди людей гораздо болѣе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда, и мы будемъ относиться къ ней гораздо снисходительнѣе, потому что жизнь убѣдитъ насъ и въ томъ, что мотивы этой лжи по преимуществу — мелочны и неразумны. И эти наблюденія, вынесенныя нами изъ повседневной жизни, окажутъ намъ серьезную услугу въ нашемъ отвѣтственномъ дѣлѣ: такъ свидѣтеля, показавшаго намъ неправду, мы не будемъ признавать соучастникомъ въ преступленіи, такъ какъ онъ сдѣлалъ это или вслѣдствіе чувства страха, лѣни, эгоизма, тщеславія, или въ силу какой-либо другой ничтожной человѣческой слабости.

Для самаго же дѣла — безразлично, чѣмъ именно былъ введенъ въ заблужденіе С. С., — а этотъ послѣдній въ безчисленномъ множествѣ случаевъ сумѣетъ избѣгнуть ошибокъ, если только будетъ помнить о ничтожности мотивовъ лгущихъ людей и если онъ, даже въ томъ случаѣ, когда увѣренъ, что свидѣтель — «не на сторонѣ виновнаго», все-таки будетъ насторожѣнъ, не утаилъ ли свидѣтель правды по инымъ, хотя бы и постороннимъ дѣлу, соображеніямъ.

8. О необходимости «ориентироваться».

Быть ориентированным—я не могу подыскать другого выражения—это значитъ, что С. долженъ хорошо ознакомиться съ своимъ участкомъ, съ мѣстностью, населеніемъ, тѣми лицами и учрежденіями, которыя являются его ближайшими помощниками, съ возможными по мѣстнымъ условіямъ способами облегченія работы и затрудненіями, вообще со всѣмъ, съ чѣмъ ему придется считаться или входить въ соприкосновеніе, со всѣмъ, что можетъ быть ему полезно или вредно. Слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что каждое болѣе или менѣе запутанное дѣло можетъ столько представить осложненій и затрудненій, что С. не будетъ имѣть ни времени, ни случая принимать мѣры къ устраненію этихъ мѣстныхъ, мѣшающихъ дѣлу, неудобствъ.

Все это слѣдуетъ предусмотрѣть и сдѣлать заблаговременно. Представимъ себѣ С. С., вступившаго въ завѣдываніе участкомъ гдѣ-нибудь въ небольшомъ городѣ. Первымъ дѣломъ онъ долженъ ознакомиться съ служащимъ персоналомъ, имѣющимъ отношеніе къ его дѣлу, не забывая при этомъ и о состоящемъ при немъ курьерѣ, который часто оказываетъ ему самыя важныя услуги. Отъ умственнаго развитія этого курьера, знанія имъ мѣстности и населенія и доброй его воли часто зависитъ многое; сообщаемыя имъ свѣдѣнія—буде онъ достоинъ довѣрія—для начинающаго С. большею частью самыя нужныя, въ особенности если этотъ курьеръ—старый солдатъ и давно служить на этомъ мѣстѣ. Затѣмъ С. долженъ познакомиться и съ должностными лицами другихъ вѣдомствъ, чтобы знать, насколько они могутъ быть ему полезны въ случаѣ надобности: каждый вѣрный долгу своему чиновникъ, какого бы онъ ни былъ вѣдомства, хорошо знаетъ, что онъ служитъ для общаго блага и въ важныхъ случаяхъ обязанъ содѣйствовать должностнымъ лицамъ другаго вѣдомства. Для того, чтобы имѣть возможность требовать отъ нихъ такого содѣйствія, С. долженъ заблаговременно установить съ ними отношенія и въ предѣлахъ возможнаго проявлять къ нимъ дѣловую обязательность, чтобы, въ свою очередь, ожидать отъ нихъ того же. Такое содѣйствіе можетъ проявляться въ самой разнообразной формѣ въ области дознанія, но важнѣе всего возможность полученія отъ нихъ несомнѣнныхъ свѣдѣній о томъ, насколько благонадежны и заслуживаютъ довѣрія тѣ лица, съ которыми С. придется сталкиваться по разнымъ дѣламъ.

Въ мѣстѣ моего прежняго служенія проживалъ податной чиновникъ, который, будучи отлично знакомъ съ мѣстностью и населеніемъ и въ то же время будучи человѣкомъ достойнымъ полного довѣрія, во все время моей службы оказывалъ мнѣ неоцѣненные услуги и, хотя я чуть не каждый день обращался къ нему съ разными вопросами, онъ всегда охотно снабжалъ меня всякими свѣдѣніями. Онъ давно жилъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, былъ страстнымъ пѣшеходомъ, зналъ каждаго обывателя въ своемъ участкѣ, каждую тропинку и такимъ образомъ былъ въ состояніи отвѣчать почти на всѣ мои вопросы: «благонадежный ли человѣкъ—А?» «можно ли проѣхать изъ Х въ У черезъ Z?»—«если кто похититъ корову въ М и уведетъ ее въ Н., долженъ ли онъ при этомъ перейти черезъ гору О?»—«сколько вѣсятъ самыя крупныя форели, которыя водятся въ такой-то рѣчкѣ?»—«К. дѣйствительно ли считается буйномъ?»—на тысячу подобныхъ вопросовъ онъ давалъ самыя точныя и вѣрныя отвѣты.

Впрочемъ, такіе люди имѣются вездѣ, ихъ только слѣдуетъ отыскать, а разъ они найдены, то ихъ помощь значительно облегчить трудъ С. и—что важнѣе всего—предупредить много ошибокъ. Конечно, одного такого человѣка недостаточно: слѣдуетъ заручиться ими въ каждомъ селеніи, или по крайней мѣрѣ въ каждой округѣ. Независимо отъ этого, конечно, для исполненія формальныхъ требованій закона, необходимо требовать и отъ полицейскихъ учрежденій удостовѣреній о благонадежности и поведеніи обвиняемыхъ, но всякому опытному С. извѣстно, какъ мало и въ какихъ рѣдкихъ случаяхъ можно придавать серьезное значеніе этимъ удостовѣреніямъ. По духу закона такого рода свидѣтельства должны выдаваться отъ самого общества гражданъ, въ дѣйствительности же они выдаются въ лучшемъ случаѣ старшиною общества, а чаще всего писаремъ общества, напр., волости. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, особенно въ послѣднемъ, важную роль играютъ личныя отношенія: расположеніе или нерасположеніе, родство, дружба, вражда или зависть. Можно ли найти въ странѣ такихъ старшинъ, у которыхъ не было бы въ обществѣ родственниковъ и друзей, недоброжелателей и враговъ?

И если С. С. объ этомъ знаетъ, — а онъ долженъ объ этомъ знать,—то съ его стороны было бы, конечно, недобросовѣстно основывать свой взглядъ на такихъ удостовѣреніяхъ и ставить въ зависимость отъ нихъ направленіе дѣла. Дѣйствуя по чести и совѣсти, онъ *долженъ* имѣть такихъ довѣренныхъ людей, къ которымъ

въ сомнительныхъ случаяхъ могъ бы обратиться. Я увѣренъ, что никто не назоветъ шпионствомъ, если С. съ людьми, заслужившими его довѣріе, совѣтуется относительно лицъ, показанія которыхъ въ данный моментъ для С. представляются особенно важными. Понятно, что С. не долженъ прискивать такихъ лицъ только тогда, когда въ нихъ есть надобность, онъ долженъ ознакомиться съ ними гораздо ранѣе и многократно испытать ихъ, прежде чѣмъ признать ихъ достойными его довѣрія. Быть можетъ, со мною не согласятся въ томъ, что я придаю большое значеніе такимъ лицамъ, но тотъ, кто хоть разъ испытывалъ состояніе колебанія, какъ провѣрить какое нибудь важное, но лишенное еще доказательной силы заявленіе, на какомъ изъ двухъ взаимно противорѣчащихъ показаній опереться, или можно ли допустить подозрѣніе въ какомъ нибудь преступленіи на извѣстное лицо,—тотъ поблагодаритъ Бога, что онъ съумѣлъ найти честнаго, испытаннаго человѣка, знакомаго съ мѣстными условіями жизни, который помогъ ему полезными разъясненіями о нравахъ мѣстныхъ жителей. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что точныя справки о личностяхъ можно получать и отъ священниковъ или отъ врача. Но это не значитъ, что въ каждомъ случаѣ слѣдуетъ обращаться къ мѣстному священнику за удостовѣреніями, потому что практикуемая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мѣра обращенія къ священникамъ за скрѣпой этихъ удостовѣреній обращается или въ формальность, или можетъ приводить къ ссорамъ и недоразумѣніямъ. Но по каждому выдающемуся дѣлу С. полезно выслушать мнѣніе мѣстнаго священника, который, по положенію своему и образованію, безъ сомнѣнія, болѣе другихъ въ состояніи высказать правильное сужденіе о личности и характерѣ своего прихожанина.

Весьма цѣнны бываютъ отзывы военнаго начальства, встречаемые въ послужныхъ спискахъ бывшихъ солдатъ. Ближайшій военный начальникъ всегда имѣетъ возможность довольно продолжительное время наблюдать подвѣдомственнаго солдата и при томъ въ такомъ возрастѣ, когда характеръ человѣка рѣзко и открыто обрисовывается. Мнѣ весьма часто представлялся случай убѣдиться въ правильности отзывовъ военнаго начальства, хотя бы со времени таковыхъ и прошло много лѣтъ.

Затѣмъ С. С. долженъ тщательнѣйшимъ образомъ ознакомиться съ условіями мѣстности ввѣреннаго ему участка. Съ момента, когда онъ посвятилъ себя избранной имъ дѣятельности, онъ долженъ быть С. С. и болѣе никѣмъ. Все, что бы онъ ни дѣлалъ, ни читалъ, ни изучалъ, все онъ долженъ примѣнять къ своему дѣлу

такъ, какъ будто достоинства пріобрѣтенныхъ имъ знаній онъ можетъ оцѣнить только на своемъ специальномъ дѣлѣ. Онъ долженъ сдѣлаться отнюдь не одностороннимъ, а въ предѣлахъ возможнаго разностороннимъ: на все, что ему такъ или иначе могло бы быть полезнымъ, онъ долженъ обращать свое вниманіе, руководствуясь при этомъ одною мыслью, какъ можно примѣнить пріобрѣтенное къ своему дѣлу. Такимъ образомъ, онъ не долженъ болѣе «гулять», т. е. безцѣльно прохаживаться, любуясь красотами природы,—а выходя изъ дому, онъ будетъ имѣть при себѣ карту мѣстности, на которой долженъ найти каждую дорогу, каждое поле, каждый ручей и имена ихъ удержать въ своей памяти, занести на ней имена всѣхъ собственниковъ до владѣльца послѣдней лачуги, запомнить расположеніе дороги, каждый поворотъ ея, каждое возвышеніе, выяснитъ разстоянія и пути сообщенія между отдѣльными мѣстностями, отчетливо опредѣлить страны свѣта и знать, что именно и съ какого мѣста можно видѣть. При этомъ слѣдуетъ постоянно имѣть при себѣ часы и время, употребленное на прохожденіе извѣстнаго разстоянія, отмѣчать на оборотной сторонѣ карты. Поселянинъ по часамъ въ состояніи опредѣлить лишь время, которое онъ затрачиваетъ обыкновенно на прохожденіе изъ дома въ церковь, въ ближайшій трактиръ, или на станцію желѣзной дороги, такъ какъ онъ не можетъ, или не любитъ опаздывать въ церковь, на станцію или же домой. На всѣ вопросы о другихъ разстояніяхъ онъ, правда, даетъ немедленные отвѣты, но почти всегда ошибочные, послѣдствіемъ которыхъ могутъ быть роковыя ошибки, поручать же въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлять разстояніе чрезъ полицейскаго чиновника не всегда возможно,—вотъ почему слѣдуетъ заранѣе и при удобномъ случаѣ самому позаботиться объ этомъ.

Извѣстныя мѣстности слѣдуетъ имѣть въ виду особо: трактирныя заведенія—въ виду случающихся въ нихъ дракъ, покойницкія помѣщенія при полицейскихъ участкахъ—въ виду возможности пользоваться ими для судебно-медицинскихъ вскрытій, пруды въ деревняхъ—въ виду случаевъ утопленія дѣтей по недостаточности надзора, лѣсныя дачи—въ виду совершающейся въ нихъ недозволенной охоты и т. д. Затѣмъ слѣдуетъ собрать свѣдѣнія, гдѣ живутъ члены сельской полиціи и какъ далеко находятся одинъ отъ другого, какими мѣрами охраняются поля, при помощи какихъ приспособленій обыватели запираютъ свои жилища и нежилыя помѣщенія въ различныхъ мѣстностяхъ участка, такъ какъ иногда

на разстояніи около часа ходьбы можно встрѣтить совершенно разные способы запоровъ. Слѣдуетъ обращать особое вниманіе на тѣ знанія или сооруженія, которыя имѣютъ болѣе или менѣе техническую конструкцію, и при томъ не вездѣ одинаковую, вслѣдствіе чего иногда возникаютъ большія затрудненія по причинѣ крайне неясныхъ описаній или показаній свидѣтелей: мельницы, лѣсопильные заводы, кузницы, мастерскія для выдѣлки серповъ и косъ, каменоломни, заведенія угольщиковъ, кирпичные заводы и другія многочисленныя фабричныя заведенія, которыя, смотря по мѣстности, носятъ часто совершенно иное устройство, такъ что, по описаніямъ свидѣтелей, иногда нельзя составить о нихъ яснаго представленія,—поэтому слѣдуетъ равнѣ ознакомиться съ ними самому. Каждый изъ насъ знаетъ, что по однимъ описаніямъ совершенно невозможно составить о такого рода заведеніяхъ правильное представленіе, но если мы хоть одинъ разъ видѣли ихъ сами, то въ памяти немедленно возстановливается полная картина. Я знаю многихъ образованныхъ людей, которые въ теченіе своей жизни ни разу не были на мельницѣ, на лѣсопильномъ заводѣ, хотя такого рода заведенія для каждаго должны бы представлять интересъ. Это тѣмъ болѣе непонятно, что всякій безчисленное количество разъ проходилъ и проѣзжалъ мимо нихъ, и осмотръ такихъ заведеній не составлялъ бы большаго труда.

Съ тѣхъ поръ, какъ я — юристъ, я ни разу не пропуская случая осматривать сельскохозяиственное, промышленное или фабричное заведеніе, причемъ всегда просилъ завѣдующихъ о подробнѣйшемъ разьясненіи мнѣ дѣйствія машинъ, и я могу удостовѣрять, что ни разу я не встрѣчалъ нелюбезнаго, или хотя бы равнодушнаго приѣма. Каждый, а болѣе другихъ простой необразованный человѣкъ польщенъ тѣмъ, что на его работу обращаютъ вниманіе, и онъ съ полною готовностью выступаетъ въ роли обучающаго, причемъ показываетъ все, что можетъ. Если же у посѣтителя уже имѣются нѣкоторыя знанія о дѣлѣ, то тѣмъ съ болѣею охотой даютъ ему разьясненія, а если онъ не имѣетъ никакого представленія, то долженъ воздержаться отъ черезчуръ наивныхъ вопросовъ: необразованный простой человѣкъ не можетъ себѣ представить, чтобы образованный не зналъ о такихъ, для него слишкомъ простыхъ вещахъ, и онъ становится недоувѣрчивъ, подозрѣвая надъ нимъ издѣвательство. Въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ ограничиваться однимъ осмотромъ, предлагать самыя краткіе вопросы и болѣе слушать. Приобрѣтенныя такимъ образомъ познанія весьма облегчаютъ трудъ

во многихъ слѣдствіяхъ. Напр., предположимъ, что С. ни разу не видалъ мельницы, и если на мельницѣ произошла кража со взломомъ, или поджогъ, или растрата, совершенная кѣмъ-либо изъ служащихъ на ней, или смертельный случай по неосторожности, то въ каждомъ изъ этихъ дѣлъ непременно потребуется знаніе ея технического устройства. Несчастный случай можетъ оказаться послѣдствіемъ неправильнаго устройства какой либо отдѣльной ея части, или послѣдствіемъ недостаточнаго надзора;—воръ для совершения кражи воспользовался какимъ нибудь техническимъ приспособленіемъ; мошенническія продѣлки становятся понятными только при основательномъ знакомствѣ съ внутреннимъ устройствомъ ея; о поджогѣ же безъ знанія техническихъ подробностей невозможно получить ровно никакого представленія.

Какъ можетъ С. С. ручаться за успѣшный ходъ слѣдствія по такимъ дѣламъ, если въ умѣ его нѣтъ никакой картины, которая могла бы лечь въ основаніе его первоначальныхъ дѣйствій? Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что разъ составленное представленіе о предметѣ, о расположеніи отдѣльныхъ частей всегда хорошо удерживается въ памяти, и если кое-что и забудется, то при подробномъ допросѣ свидѣтелей все быстро припоминается до послѣднихъ мелочей.

Весьма важно также основательное знакомство со средствами сообщенія въ предѣлахъ участка: шоссе, большими, проселочными, полевыми дорогами и даже тропинками. Ориентироваться въ этомъ отношеніи не составляетъ затрудненія, такъ какъ достаточно, отыскавъ каждую дорогу на картѣ, провѣрить, насколько правильно она отмѣчена, не сдѣлано ли какихъ измѣненій въ направленіи, не перечислены ли нѣкоторыя дороги изъ одного разряда въ другой. При этомъ С. долженъ кстати отмѣчать на дорогахъ новыя строенія, какія-нибудь земляныя или сельско-хозяйственныя сооруженія, пересѣкающія рѣки, ручьи, вообще приводить карту въ состояніе, точно соответствующее дѣйствительности. Большая часть измѣненій происходитъ относительно проселочныхъ дорогъ. Точно также должно отмѣчать на картѣ и пѣшеходныя тропинки, пролагаемыя какъ съ разрѣшенія владѣльцевъ, такъ и самовольно проложенныя—такія тропинки иногда могутъ имѣть большое значеніе въ дѣлахъ. Точно также не слѣдуетъ забывать о вновь выстроенныхъ или разрушенныхъ мостахъ, колодцахъ, сажалкахъ, прудахъ и другихъ водовмѣстилищахъ. На эти послѣднія слѣдуетъ обращать особое вниманіе и отмѣчать теченіе, размѣры ихъ, глу-

бину, высоту береговъ, перемѣны уровня воды, освѣдомляться объ истокахъ, шлюзахъ, бродахъ и т. д., однимъ словомъ, о всемъ, что можетъ относиться къ точному описанію и характеристикѣ водныхъ сообщеній, играющихъ часто столь значительную роль во многихъ уголовныхъ дѣлахъ.

Наконецъ, слѣдуетъ ознакомиться съ характеромъ внутренняго устройства жилищъ, для этого достаточно ограничиться тщательнымъ осмотромъ нѣсколькихъ крестьянскихъ избъ большого и малого типа (мы имѣемъ въ виду только деревенскія постройки), и тогда мы получимъ о нихъ общее понятіе, такъ какъ крестьянскія жилища строятся почти всегда по одному плану. При этомъ надо запомнить названія частей крестьянской избы, уяснить себѣ назначеніе каждой изъ нихъ,—иначе въ первомъ же дѣлѣ о кражѣ возникнутъ затрудненія.

Весьма важно быть освѣдомленнымъ и относительно личныхъ качествъ свѣдущихъ лицъ, съ которыми приходится имѣть дѣло въ участкѣ. Прежде всего, конечно, С. С. долженъ выяснитъ себѣ степень знаній, хорошія и слабыя стороны судебныхъ врачей, какъ наиболѣе важныхъ экспертовъ. Но и съ остальными полезно познакомиться заблаговременно: съ специалистами по оружейной, строительной части, оцѣнщиками и т. п.; С. С. долженъ знать, чего онъ можетъ ожидать отъ каждаго изъ нихъ и въ какомъ направленіи можетъ пользоваться ихъ знаніями. Для этого же недостаточно только знать о нихъ по ихъ вывѣскамъ или званію, для этого нужно въ точности знать личныя качества и способности каждаго, даже и тѣ знанія, которыми они могутъ обладать случайно,—чтобы въ случаѣ надобности пользоваться и послѣдними. Напр., если какой-нибудь изъ нихъ обладаетъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, много путешествовалъ на своемъ вѣку, или — нумизматикъ, или — хорошій знатокъ лошадей, или онъ имѣетъ хорошій микроскопъ, или хорошо выдрессированную собаку, — то вывѣска или профессиональное званіе этихъ людей ничего объ этихъ случайныхъ знаніяхъ сказать не можетъ, но гдѣ-либо въ небольшомъ городѣ то или другое обстоятельство можетъ С. С. оказать величайшую услугу. Такъ, въ первомъ случаѣ свѣдущее лицо можетъ быть хорошимъ переводчикомъ, во второмъ онъ можетъ удостовѣрить или отвергнуть объясненіе какого-нибудь мошенника, будто бы много путешествовавшего по свѣту, въ третьемъ — различить фальшивую монету, въ четвертомъ — разоблачить мошенническую продѣлку при продажѣ лошади, въ пятомъ — предоставить свой микроскопъ къ

услугамъ судебного врача, и въ шестомъ—своей собакой помочь напасть на слѣдъ и т. п. Положимъ, что экспертъ, не представляющій ничего особеннаго, отличается лишь тѣмъ, что онъ уроженецъ отдаленной мѣстности, — и въ этомъ случаѣ онъ можетъ оказать услугу, напр. для изобличенія какого-либо обвиняемаго, утверждающаго о происхожденіи своемъ изъ той же стороны, а между тѣмъ говорящаго на другомъ нарѣчій. Въ самомъ глухомъ мѣстечкѣ могутъ найтись лица, обладающіе какими-нибудь особенными талантами или знаніями, которыя могутъ при случаѣ весьма пригодиться.

Какъ городского, такъ въ одинаковой степени и уѣзднаго С. С. успѣшность дѣятельности отчасти зависитъ и отъ того, насколько плодотворна дѣятельность полиціи въ сферѣ, подлежащей вѣдѣнію С. А это послѣднее, по моему мнѣнію, всегда будетъ зависеть отъ него самаго. Если С. лично знаетъ полицейскихъ чиновниковъ своего участка и будетъ ими руководить и направлять согласно ихъ личнымъ качествамъ, то успѣхъ—несомнѣненъ, если же онъ этого не дѣлаетъ, то не достигнетъ никакого результата. И въ этомъ случаѣ виноватъ *всегда* С., но не полиція. Правда, я знакомъ на практикѣ лишь съ дѣятельностью австрійской полиціи, но на основаніи болѣе, чѣмъ 20-ти-лѣтняго, опыта я пришелъ къ убѣжденію, что неуспѣшность въ дѣлѣ всегда и безъ исключенія должна быть поставлена въ вину С. С. Полиція всегда исполняла свои обязанности въ мѣру человеческихъ силъ; но когда ей давали недостаточныя и неясныя инструкціи, требовали отъ нея невозможнаго, давали полицейскому чиновнику порученія, несоотвѣтствовавшія его личнымъ качествамъ, то неудивительно, что дѣло шло плохо. Мнѣ часто приходилось со стороны чиновъ полиціи наблюдать примѣры самоотверженія, неустрашимости, образцоваго такта и знанія дѣла, примѣры, безспорно заслуживавшіе удивленія,—въ общемъ же дѣятельность ея всегда отличалась усердіемъ, готовностью, настойчивостью и корректностью ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе полицейскій чиновникъ не есть машина, хотя онъ, въ большинствѣ случаевъ и получаетъ отличное военное воспитаніе, но индивидуальныя его качества остаются нетронутыми, и

¹⁾ Въ этомъ отношеніи австрійская полиція напоминаетъ парижскую, агенты которой въ одномъ дѣлѣ объ убійствѣ найденный клочокъ бумаги съ надписью „два фунта масла“ предъявили всѣмъ лицамъ, торгующимъ въ Парижѣ масломъ, и этимъ путемъ напали на слѣдъ убійцы (ср. А. Гриффитъ „Mysteries of Police et crime“ London, Cassell 1898).

вотъ на нихъ-то слѣдуетъ въ дѣлахъ обращать особенное вниманіе. Поэтому С. С. долженъ всегда заручиться самыми точными свѣдѣніями объ образованіи и личныя качествахъ состоящихъ въ его распоряженіи чиновъ полиціи. Правда, порученіе отдѣльныхъ дознаній опредѣленному лицу не зависитъ отъ С., а отъ непосредственнаго начальства полицейскаго чиновника; даже если онъ сдѣлаетъ распоряженіе объ откомандированіи къ нему полицейскаго чиновника для производства того или другого дознанія, то, поступивъ правильно съ формальной стороны, едва ли онъ сдѣлаетъ правильно по существу дѣла. Одинъ чиновникъ полиціи отличается тактичнымъ поведеніемъ, другой — рѣшительностью, третій — особенно крѣпкимъ здоровьемъ, и если въ какомъ-нибудь трудномъ дѣлѣ потребуется проявленіе одного изъ этихъ качествъ, то дѣло можетъ быть проиграно, если не было выбрано подходящее лицо. Ближайшее же начальство его не можетъ знать обстоятельствъ извѣстнаго дѣла и намѣреній С. С., часто не имѣетъ и времени ознакомиться съ дѣломъ, и если С. ограничился только краткимъ требованіемъ безъ изложенія подробностей, то успѣхъ всегда будетъ сомнительнымъ.

Если же С. хорошо знаетъ полицейскихъ чиновъ и личныя особенности каждаго, то въ болѣе важномъ дѣлѣ онъ переговорить съ ближайшимъ начальствомъ этихъ чиновъ относительно выбора подходящаго лица, пошлетъ за нимъ, изложить ему обстоятельства дѣла подробно, свои взгляды и планы, не откажется выслушать мнѣніе этого командироваемаго лица, обратитъ вниманіе на тѣ случайности, которыя могутъ возникнуть при производствѣ дознанія, предоставитъ ему по возможности свободу въ выборѣ средствъ, вообще по мѣрѣ возможнаго выяснитъ дѣло и его задачу. Лицо, получившее такого рода инструкцію, безъ сомнѣнія сдѣлаетъ все отъ него зависящее уже въ силу возбужденнаго въ немъ самолюбія. Въ случаѣ же хорошаго исполненія порученія никогда не слѣдуетъ уклоняться отъ выраженія своей признательности: сердечная, поощряющая похвала не требуетъ много труда и всегда приноситъ благія послѣдствія. Нужно только помнить, насколько тяжела работа нижняго полицейскаго чина. Недостаточно защищенные отъ холода и зноя, они должны по отвѣтственному дѣлу совершать дальнія поѣздки. — стѣсненные многочисленными инструкціями своего начальства и судебного вѣдомства, они не имѣютъ возможности ни съ кѣмъ посовѣтоваться, обязаны дѣйствовать съ большимъ тактомъ, проявлять, гдѣ нужно, гражданское мужество,

не переходя предѣловъ возложеннаго на нихъ порученія, и, наконецъ, составить обо всемъ обнаруженномъ обстоятельное и исчерпывающее донесеніе. И если все это исполнено безупречно, то трудъ этотъ является цѣннымъ вкладомъ въ дѣло, и С. С., которому удалось такимъ образомъ приобрести солидныя данныя для дальнѣйшихъ дѣйствій и въ то же время сберечь свой трудъ и время, безъ сомнѣнія, отнюдь не сдѣлаетъ лишняго, если выразитъ благодарность отважному и вѣрному своему помощнику. Онъ не долженъ также упускать изъ виду каждый разъ сообщать хорошій отзывъ о выдающемся исполненіи возложеннаго порученія какъ начальству этого чина, такъ и его товарищамъ. Насколько заслуженная похвала дѣйствуетъ поощряющимъ образомъ въ видахъ дальнѣйшихъ порученій, настолько же охлаждающимъ образомъ дѣйствуетъ постоянная требовательность, безъ признанія заслугъ.— Все это слѣдуетъ имѣть въ виду и вообще, по отношенію ко всякимъ подчиненнымъ лицамъ. Кстати скажу и нѣсколько словъ о способѣ изложенія порученій. Эти порученія, само собою разумѣется, должны быть кратки, полны и ясны, но для того, чтобы при исполненіи ихъ не возникало сомнѣній, лучше всего излагать ихъ на письмѣ, требуя въ то же время сохраненія самыхъ письменныхъ порученій. Съ одной стороны, этимъ предупреждается возможность отговорокъ, съ другой стороны устраняется для исполнителя порученія опасность забыть и неправильно понять порученіе (устное).

9: Судебный слѣдователь и судъ присяжныхъ.

Въ дѣятельности своей С. С. приходится бороться и преодолевать не только препятствія, создаваемые обвиняемыми и другими прикосновенными къ дѣлу лицами, въ этой же мѣрѣ на его долю выпадаетъ нелегкая задача отысканія правильной позиціи и противъ участвующихъ въ отправленіи правосудія профановъ, т. е. лицъ, не свѣдущихъ въ законахъ. Хотя нынѣ 90% всѣхъ юристовъ—практиковъ и большая часть образованнаго класса вполне убѣдились въ несостоятельности суда присяжныхъ, который грозитъ въ будущемъ невообразимыми опасностями, но отиѣны этого института нельзя ожидать въ близкомъ будущемъ уже потому, что онъ дѣйствуетъ сравнительно слишкомъ недавно. Сторонники этого института требуютъ болѣе продолжительнаго срока и опыта для

того, чтобы онъ «вошелъ въ плоть и кровь» населенія, употребляя для защиты его подобныя же, ничего въ себѣ не содержащія общія мѣста, и можетъ быть нѣкоторое время они еще будутъ торжествовать,—но время это, къ сожалѣнію, совершенно достаточное для того, чтобы задать цѣлому поколѣнію С. С. массу бесполезной работы и причинять имъ горькое разочарованіе. Какъ бы то ни было, С. С. имѣетъ слишкомъ достаточно поводовъ познакомиться съ сущностью института присяжныхъ засѣдателей, съ его требованіями, съ его опасностями и заблужденіями.

Учрежденіе этого злополучнаго института вызвано главнымъ образомъ слѣдующими тремя недоразумѣніями:

1) *существованіемъ его въ Англии*. Несомнѣнно, что образованный англичанинъ и понынѣ есть истинный представитель культуры, но въ жизни его наблюдаются всякаго рода несообразности и анахронизмы, и если англичане *еще* сохранили судъ присяжныхъ, то это не есть достаточная причина къ тому, что мы должны были *ввести* его у себя. Англичане не въ состояніи отрѣшиться отъ этого отжившаго института точно такъ же, какъ и отъ другихъ преданій и остатковъ своей старины, но въ этомъ я еще не вижу достаточнаго повода для насъ вводить этотъ столь несоответствующій духу времени, непригодный и не согласованный съ нашимъ бытомъ, институтъ.

2) *смѣшеніемъ понятій судьи и свѣдущаго лица*. Когда стали вводить судъ присяжныхъ, то вездѣ во всѣхъ странахъ проповѣдывали: «только свободный гражданинъ, избранный изъ народа, въ состояніи обсудить, что служить ко благу государства и общества, а отнюдь не окаменѣвшій въ буквъ закона коронный судья; только гражданинъ, свободный отъ всякаго давленія, можетъ обсудить, въ чемъ—правда и въ чемъ—неправда, только въ немъ—благо и спасеніе будущаго». Допустимъ, что мы, окаменѣвшіе въ законѣ юристы, не имѣемъ правильнаго пониманія жизни и, можетъ быть, иной разъ судимъ слишкомъ строго, придерживаясь лишь буквы закона, но отсюда не вытекаетъ еще необходимости устраненія судей какъ таковыхъ. Возьмемъ для примѣра дѣло о подстрекательствѣ къ бунту посредствомъ публичныхъ рѣчей; если по этому дѣлу нельзя предполагать въ коронномъ судѣ правильнаго пониманія событія, то и пусть выберутъ 12 «человѣкъ изъ народа», пусть прочитаютъ имъ тѣ же рѣчи и спросятъ, производятъ ли онѣ на нихъ свое «зажигательное» вліяніе,—и *отвѣтъ ихъ* пусть послужитъ основаніемъ приговора. Ясно, что эти двѣнадцат-

цать человѣкъ выступали не въ роли судей, а въ роли *свѣдущихъ лицъ* и, какъ таковыя, пусть они и принимаютъ участіе во всѣхъ *политическихъ* дѣлахъ, разъ мнѣніе народа заслуживаетъ столь высокаго довѣрія.

3) *настоятельными требованіями печати*. Вліяніе печати въ *этомъ* отношеніи оказалось весьма печальнымъ. Мнѣ не хотѣлось бы утверждать, что печать въ данномъ случаѣ умышленно проповѣдывала *pro domo*, но результатъ получился совершенно соотвѣтствующій такому подозрѣнію.—Повторяю, однако, что я не обвиняю печать даже въ отдаленнѣйшемъ умышленномъ способствованіи такому результату. Глубоко заложено въ природѣ человѣка свойство признавать свои личные интересы важнѣйшими и по степени ихъ благополучія судить о состояніи интересовъ другихъ. Вотъ почему пресса, ратуя за наибольшую свободу для себя, надѣялась достигнуть этого путемъ передачи проступковъ противъ печати суду присяжныхъ и въ видахъ этого пропагандировала о подчиненіи этому суду вообще всѣхъ наиболѣе важныхъ преступленій.

Такъ создано было злополучное учрежденіе, и въ настоящее время о высшихъ благахъ человѣка, о свободѣ его, чести и правосудія люди, у которыхъ, при всемъ добромъ ихъ желаніи и честности стремленій, недостаетъ въ той же мѣрѣ необходимаго, а именно: опытности. Каждый изъ насъ, юристовъ, знаетъ, какъ трудно было для него въ началѣ дѣятельности различать существенное отъ маловажнаго, возможное отъ невозможнаго. Намъ казались тогда имѣющими доказательную силу такія обстоятельства, которыя опытный судья отвергалъ, какъ не имѣющія никакой цѣны, между тѣмъ другое казалось намъ несущественнымъ, опытный же глазъ тотчасъ отличалъ въ немъ центральный пунктъ событія. И при томъ мы еще обладали нѣкоторымъ общимъ образованіемъ и значительнымъ спеціальнымъ, знали законы и правила судопроизводства. Присяжный же засѣдатель въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ подобнымъ не обладаетъ, а между тѣмъ отъ него требуютъ, чтобы онъ мгновенно уяснялъ себѣ все производство предварительнаго слѣдствія, судебного слѣдствія и даже всю обстановку событія преступления, чтобы онъ познакомился съ правами и обязанностями лицъ, принимающихъ участіе въ судебномъ слѣдствіи, чтобы онъ умѣлъ отличать доказательства, какъ со стороны обвиненія, такъ и со стороны защиты, чтобы онъ подмѣчалъ цѣлую массу деталей, обладалъ въ то же время и спеціальными знаніями, чтобы онъ, слѣдя за ходомъ разбирательства, дѣлалъ разныя отмѣтки, группировалъ

ихъ, оцѣнивалъ и, наконецъ, выносилъ справедливое рѣшеніе,—и все это безъ надлежащаго образованія, опытности, безъ предварительной подготовки.—Это болѣе, чѣмъ въ сто разъ превышаетъ человѣческія силы! Кто по профессіи своей въ теченіе многихъ лѣтъ имѣлъ соприкосновеніе съ судомъ присяжныхъ засѣдателей и долженъ былъ принимать въ дѣятельности ихъ большее или меньшее участіе, тотъ скоро пріобрѣтаетъ способность читать по лицамъ присяжныхъ и опредѣлять степень ихъ пониманія, которое они вносятъ въ каждое дѣло. Въ общемъ нельзя отрицать у присяжныхъ засѣдателей честнаго желанія понять дѣло самымъ основательнымъ образомъ, и ихъ судорожныя стремленія проникнуть въ сущность дѣла воочію отпечатлѣваются на лицахъ ихъ, выраженіе лицъ дѣлается напряженнымъ, это напряженіе доходитъ даже до степени страха, если они не въ состояніи постичь суть дѣла. Подъ конецъ эти мучительныя усилія уступаютъ мѣсто выраженію довольства, удовлетворенія: присяжный засѣдатель выяснилъ себѣ дѣло, нашелъ разрѣшеніе вопроса,—но благодаря чему же онъ дошелъ до этого? Боже сохрани, чѣмъ они обыкновенно руководствуются при этомъ! Какоенибудь самое безразличное, но произнесенное съ какимъ-нибудь особеннымъ выраженіемъ показаніе какого-либо свидѣтеля, какое-нибудь оглашенное на судѣ и въ сущности не имѣющее значенія удостовѣреніе о поведеніи или благонравіи подсудимаго, какое-нибудь случайное слово предсѣдательствующаго, въ большинствѣ же случаевъ какое-нибудь случайно проскользнувшее въ протоколахъ личное убѣжденіе С. С.,—вотъ что имѣло рѣшающее значеніе для присяжныхъ засѣдателей, вотъ за что онъ хватается и держится крѣпко, вотъ что рѣшаетъ судьбу обвиняемаго. И это опять таки нельзя ставить въ вину присяжнымъ засѣдателямъ. Слѣдить за ходомъ сложнаго судебного слѣдствія по дѣлу о какомъ-нибудь громкомъ убійствѣ или мошенничествѣ, различать улики за и противъ подсудимаго, напр. по дѣлу о нѣсколькихъ кражахъ подсудимаго — требованія, невозможныя для человѣка, не имѣющаго никакой подготовки. Присяжный засѣдатель не въ состояніи это сдѣлать, онъ вынужденъ хвататься за несущественное, первое, что ему попадется, что произведетъ на него наибольшее впечатлѣніе.

Вотъ почему для С. С. весьма важно при производствѣ слѣдствія по дѣламъ, подсуднымъ суду присяжныхъ засѣдателей, не забывать ни на одну минуту о томъ, что трудъ его будетъ предложенъ на обсужденіе людей несвѣдущихъ. Эти люди весьма тща-

тельно вникають въ предварительное слѣдствіе, приемы и способы, какихъ держался С., и при этомъ стараются выяснить, заслуживаетъ ли С. довѣрія или нѣтъ. Результатъ, конечно, получается соотвѣтственно степени его пониманія и образованія. Какая-нибудь несущественная неточность, совершенно безразличное противорѣчіе, ничтожная ошибка, которыя обнаружилъ присяжный засѣдатель въ предварительномъ слѣдствіи, достаточны для того, чтобы лишить С. С. довѣрія. Онъ будетъ считать все слѣдствіе ничтожнымъ и вынесетъ оправдательный вердиктъ, хотя бы судебное слѣдствіе и выяснило тяжкія улики противъ подсудимаго.

И наоборотъ, какой-нибудь совершенно безразличный приемъ С., неважныя свѣдѣнія и т. под. обстоятельства могутъ повлечь обвинительное рѣшеніе только потому, что онъ, присяжный засѣдатель, довѣряетъ С., обязанность котораго, какъ разсуждаютъ профаны, состоитъ въ томъ, чтобы непременно добиться обвиненія подозрѣваемаго.

Пусть не думаютъ, что все сказанное мною преувеличено: оно вынесено изъ личныхъ наблюденій. Я самъ слышалъ одинъ разъ отъ одного присяжнаго засѣдателя, страстнаго охотника, слѣдующее: «мнѣ очень понравилось, что С. С. извѣстно, сколько продолжается времени срокъ запрещенія охоты на оленя, я ему повѣрилъ и поэтому отвѣтилъ: да, виновенъ, потому что если бы подсудимый былъ невиненъ, то С. и безъ того освободилъ бы его». А какой-то коммерсантъ, присяжный засѣдатель, сказалъ мнѣ однажды такъ: «я не рѣшился вынести обвинительный вердиктъ, потому что все дѣло ведено не какъ слѣдуетъ: С. С., кажется, не умѣетъ хорошо различать сорта кофе». А третій присяжный засѣдатель никакъ не могъ примириться съ противорѣчіемъ въ показаніяхъ свидѣтеля такого рода: одинъ свидѣтель показалъ С. С.: «на такомъ-то была черная шапка», а на судебномъ слѣдствіи онъ показалъ такъ: «шапка была темнаго цвѣта» (какое обстоятельство ровно никакого значенія въ смыслъ улики не имѣло). Въ другомъ дѣлѣ, въ которомъ все зависѣло отъ выясненія причины смерти убитаго, одинъ присяжный засѣдатель, любитель цифровыхъ опредѣленій, предложилъ врачамъ-экспертамъ вопросъ, могутъ ли они заключить, съ вѣроятностью въ 60%, что убитый умеръ именно отъ нанесенныхъ ему побоевъ. Онъ говорилъ, что, при наличности такого заключенія о 60%-ной вѣроятности, онъ находитъ достаточныя основанія къ признанію подсудимаго виновнымъ, забывая о томъ, что при подобномъ способѣ сужденія подсудимый, съ вѣроятностью въ 40%, невинно могъ быть повѣшенъ.

Если С. С., по мѣрѣ возможности, пожелаетъ предупредить такія недоразумѣнія, то, при производствѣ слѣдствій по дѣламъ, подсуднымъ суду присяжныхъ засѣдателей, онъ не долженъ ни на одну минуту забывать о подсудности дѣла и имѣть въ виду, что онъ работаетъ не для ученыхъ и опытныхъ судей, а для профановъ. Въ виду этого, каждый актъ предварительнаго слѣдствія, могущій быть оглашеннымъ на судѣ (протоколы освидѣтельствванія, осмотра, допроса свидѣтелей и т. д.), долженъ быть составленъ просто, ясно и удобопонятно. — показанія свидѣтелей, въ особенности слова третьихъ лицъ, передаваемые свидѣтелемъ, должны быть записаны въ протоколѣ дословно, въ собственныхъ выраженіяхъ, при чемъ слѣдуетъ внушить свидѣтелю, чтобы онъ показывалъ не спроста, наобумъ, а дѣйствительно въ точности такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ. Обыкновенно считается безразличнымъ, какое слово употребить изъ двухъ, имѣющихъ одно и то же значеніе; нерѣдко это дѣйствительно безразлично, и опытный судья, который знаетъ за свидѣтелями такую привычку, не придаетъ значенія тому, если свидѣтель при допросѣ на предварительномъ слѣдствіи употребилъ выраженіе: «брюки», а на судебномъ слѣдствіи сказалъ: «штаны». Но судья-профанъ, получившій почему-либо нѣкоторое недовѣріе къ дѣлу и подозрительно относящійся къ каждому противорѣчію, весьма легко можетъ придать серьезное значеніе такого рода неточности въ выраженіяхъ, и послѣдствія этого могутъ быть весьма печальны. Особенно затруднительно бываетъ воспроизведеніе свидѣтелемъ дословно слышанной имъ непосредственной рѣчи, ибо простой народъ въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ повторить разговоръ въ его точныхъ выраженіяхъ. Если С. С. съ трудомъ удалось возстановить дословно слышанное свидѣтелемъ, то предсѣдательствующему на судѣ это, быть можетъ, и не удастся, или же наоборотъ. Присяжный же засѣдатель въ каждомъ подобномъ случаѣ, въ виду разницы въ способѣ воспроизведенія слышаннаго, приходитъ въ недоумѣніе.

Точно также С. С. долженъ избѣгать помѣщенія въ актахъ, подлежащихъ оглашенію, какихъ бы то ни было личныхъ взглядовъ и выводовъ. Профессиональный судья очень любитъ такого рода выводы С., видѣвшаго многое своими глазами, и охотно соглашается съ этими выводами, если вообще не имѣетъ основанія не довѣрять С. Не таковъ судья-профанъ, въ которомъ легко возбуждается духъ противорѣчія, въ особенности, если онъ въ извѣстномъ отношеніи обладаетъ знаніями специалиста или воображаетъ себя таковымъ.

Если, напр., С. сдѣлалъ выводъ, что отъ пункта А на чертежѣ такимъ-то ружьемъ (извѣстной системы) нельзя съ увѣренностью дослать пулю до пункта В., то весьма возможно, что въ числѣ присяжныхъ засѣдателей найдется охотникъ, который сочтетъ себя за болѣе свѣдущее въ этомъ отношеніи лицо. Если С. утверждалъ, что строеніе, находящееся въ столькихъ-то шагахъ отъ пожараща, легко могло загорѣться, то между присяжными можетъ оказаться какой-нибудь агентъ страхового общества, который сочтетъ себя обязаннымъ не согласиться съ мнѣніемъ С. Я съ ужасомъ припоминаю одно дѣло о кражѣ, въ которомъ шла рѣчь о томъ, можетъ ли быкъ разрушить ограду палисадника рогами, что утверждала одна сторона,—С. С., производившій осмотръ, высказался въ томъ смыслѣ, что, судя по прочности ограды, быкъ не могъ разрушить ее,—какое обстоятельство было въ пользу подсудимаго. Въ числѣ присяжныхъ засѣдателей нашелся, однако, мясникъ, который упорно утверждалъ, что быкъ своими рогами вообще будто бы въ состояніи разрушить всякій заборъ, и только на основаніи этого одного обстоятельства онъ пришелъ къ убѣжденію въ виновности подсудимаго; ничто не могло его разубѣдить, нашъ «скотобоець» продолжалъ утверждать, что «если быкъ взбѣсится, то способенъ все разрушить». Такимъ образомъ онъ подалъ голосъ за обвиненіе, хотя противъ подсудимаго не было почти ни одной серьезной улики.

Все это—такъ понятно и согласно съ человѣческой природой, что лицо, обладающее специальными знаніями, охотно готово примѣнить ихъ тамъ, гдѣ въ нихъ нѣтъ никакой надобности. Извѣстная фраза: «извините пожалуйста, въ этомъ отношеніи я—специалистъ», которая часто произносится тогда, когда и нѣтъ нужды въ этихъ специальныхъ знаніяхъ, здѣсь пользуется особеннымъ значеніемъ и часто влечетъ за собою гибельныя послѣдствія.

По той же причинѣ С. долженъ избѣгать въ такихъ дѣлахъ каждой ошибки даже въ мелочахъ: кто-нибудь изъ присяжныхъ засѣдателей обратитъ на нее вниманіе, и судьба всего дѣла будетъ поставлена въ зависимость отъ этого незначительнаго промаха.

Наконецъ, С. С., какъ уже сказано выше, долженъ соблюдать наибольшую простоту въ выраженіяхъ. Трудно представить себѣ, сколько возникаетъ недоразумѣній при чтеніи слѣдственныхъ актовъ. Присяжный засѣдатель на судебномъ слѣдствіи видитъ и слышитъ столько новаго, никогда имъ невиданнаго и никогда ранѣе неслыханнаго, долженъ размышлять о вещахъ, часто ему совершенно

чуждыхъ, и при томъ со всею силою своего разумѣнія для того, чтобы хоть какъ-нибудь осмыслить все происходящее передъ нимъ. Кромѣ того, присяжные засѣдатели, въ большинствѣ случаевъ, съ непривычки, не выносятъ психическаго и физическаго напряженія силъ во время продолжительныхъ засѣданій, какъ это доказываютъ весьма пространно англичанинъ докторъ Кротеръ (въ «Medico Legal Journal» XII, 4), несмотря на то, что соотечественникамъ его давно уже слѣдовало бы привыкнуть къ обязанностямъ присяжныхъ засѣдателей.

И если при всемъ этомъ, благодаря неопытности С. С., возникаютъ неожиданныя затрудненія тамъ, гдѣ они могли бы не быть, то дѣло принимаетъ совсѣмъ плохой оборотъ. Къ несчастью, мы весьма часто пишемъ и привыкаемъ къ плохому канцелярскому языку, — каковое обстоятельство объясняется тѣмъ, что для извѣстныхъ часто встрѣчающихся понятій выработались техническіе термины, хорошо извѣстные юристамъ-практикамъ и болѣе никому другому. Объ этомъ-то мы и забываемъ и помѣщаемъ такіа выраженія въ протоколахъ, которые затѣмъ читаются передъ присяжными засѣдателями. Но и въ томъ случаѣ, если протоколъ, положимъ, осмотра мѣстности не заключаетъ въ себѣ такихъ выраженій, онъ все-таки можетъ быть непонятенъ для присяжнаго засѣдателя, если не составленъ совершенно просто, ясно, въ краткихъ, логически связанныхъ предложеніяхъ, при чемъ въ изложеніи не должно заключаться никакихъ логическихъ скачковъ, въ выводахъ — слишкомъ ясныхъ положеній, а въ доказательствахъ — никакихъ возбуждающихъ сомнѣніе обстоятельствъ. Составлять протоколъ поэтому надо такимъ образомъ, чтобы онъ становился понятнымъ самому простому человѣку, а такъ какъ юристъ-практикъ обыкновенно скоро теряетъ способность опредѣлять степень пониманія профановъ, то я совѣтую каждый важный протоколъ, подлежащій оглашенію на судѣ, прочитывать какому нибудь благонадежному, но необразованному человѣку и спрашивать у него каждый разъ повторенія на словахъ общаго смысла прочитаннаго. Поразительно, что приходится въ этихъ случаяхъ иной разъ выслушивать: обстоятельства, которыя считались совершенно ясными, оказываются непонятными, и данныя, добытыя при осмотрѣ, получаютъ иногда обратное значеніе. И если исправлять протоколъ до тѣхъ поръ, пока онъ, наконецъ, не станетъ понятнымъ этому слушателю, то въ результатѣ окажется, что онъ будетъ составленъ изъ самыхъ простыхъ и краткихъ предложеній, — и только тогда онъ будетъ пригоденъ для при-

сяжныхъ засѣдателей, опасность быть непонятымъ исчезнетъ, и возможныя отъ того роковыя послѣдствія будутъ предотвращены.

Лучше всего смотрѣть на присяжныхъ засѣдателей, ни болѣе, ни менѣе, какъ на дѣтей и соответственно этому вести слѣдствія: голая правда, безъ всякихъ выводовъ, отсутствіе всякихъ данныхъ, возбуждающихъ духъ противорѣчія, наибольшая простота и ясность—вотъ самыя главныя для нихъ условія.

10. „Экспедитивный“ С. С.

Борьба съ преступленіемъ есть та же война и также требуетъ денежныхъ затратъ,—дайте достаточно денегъ, и порядокъ отправленія правосудія будетъ обставленъ наилучшимъ образомъ.

При денежныхъ средствахъ можно имѣть хорошихъ чиновниковъ полиціи, вооруженныхъ всѣми новѣйшими средствами для борьбы съ преступленіемъ, можно обставить въ матеріальномъ отношеніи настолько хорошо С. С., чтобы имѣть право, при избраніи ихъ на эту должность, предъявлять къ нимъ болѣе строгія требованія, принимая лишь тѣхъ, которые для подготовки къ этой нелегкой дѣятельности затратили много времени и труда. Тогда же можно выбирать наилучшихъ экспертовъ, которые не пожалѣютъ ни времени, ни подготовительныхъ опытовъ, если только могутъ надѣяться на хорошее вознагражденіе. Затѣмъ всякій, имѣющій по какому нибудь дѣлу свѣдѣнія, охотно явится по вызову въ качествѣ свидѣтеля, если только будетъ вознагражденъ за потерю времени и путевые расходы,—если же явка къ С. будетъ сопряжена для него лишь съ матеріальнымъ убыткомъ, то онъ всякими способами будетъ стараться уклониться отъ свидѣтельства по дѣлу, чтобы только не быть вызваннымъ. При достаточномъ снабженіи денежныхъ средствами, можно будетъ предпринимать дальнія поѣздки (за предѣлы участка), производить различные провѣрочныя испытанія и опыты. Тогда же, наконецъ, можно будетъ довести штатъ чиновъ судебного вѣдомства до нормальнаго предѣла, особенно С. С., и каждый изъ нихъ могъ бы работать съ усердіемъ и тщательностью, безъ понужденія, безъ излишней торопливости и стремленія къ уменьшенію числа находящихся на рукахъ дѣлъ.

Къ несчастью, мы переживаемъ время, когда для отправленія правосудія не можетъ быть отпущено средствъ въ совершенно достаточномъ количествѣ,—нельзя никому поставить этого въ упрекъ.

такъ какъ это вызвано условіями общаго характера, которыхъ нельзя измѣнить по своему желанію. Тѣмъ не менѣе дѣло наше должно быть исполнено и по возможности хорошо, хотя бы число С. С. и нигдѣ не соответствовало количеству поступающихъ дѣлъ. Пауль Линденбергъ («Berliner Polizei und Verbrecherthum») сообщаетъ, что одинъ берлинскій С. Слѣдователь, согласно сдѣланнымъ имъ записямъ, допросилъ въ теченіе своей службы за 16 лѣтъ 32656 лицъ, и къ этому нужно еще добавить произведенныя вскрытія, осмотры и весь его письменный трудъ! Подобныя цифры, говорящія сами за себя, могъ бы привести каждый С. С. Правда, что при нѣкоторыхъ судахъ въ послѣднее время увеличился штатъ С. С., по какая отъ этого польза, если количество преступленій возрастаетъ сравнительно съ прошлымъ временемъ въ пропорціи 2 : 3, а число С. увеличено лишь въ пропорціи 6 : 7? Если при такихъ условіяхъ ближайшее начальство С. С. будетъ ходатайствовать объ увеличеніи числа С. С., то таковое ходатайство, за неимѣніемъ средствъ, обычно возвращается обратно съ указаніемъ, что слѣдуетъ обойтись съ наличными силами.

Если обстоятельства становятся особенно затруднительными, ходатайство возбуждается снова и также оставляется безъ удовлетворенія, и тогда уже дѣйствительно приходится обходиться «какъ нибудь». Что же въ такомъ случаѣ было дѣлать? Исходъ былъ найденъ: выработался особый типъ С. С., которыхъ мы называемъ «экспедитивными». Подъ этимъ словомъ мы понимаемъ такого С., который никогда не жалуется на излишекъ работы, у котораго и въ дѣйствительности нѣтъ никогда слишкомъ большаго числа дѣлъ, который производитъ предварительныя слѣдствія легко и быстро, который не ставитъ себя затрудненій и не встрѣчаетъ ихъ, въ камерѣ котораго не творится ничего «ужаснаго», который всѣмъ своимъ дѣламъ даетъ направленіе прежде, чѣмъ они успеютъ принять внѣшность многотомнаго труда.

И въ самомъ дѣлѣ, всякое дѣло можно очень скоро «сплавить», было бы только на то *желаніе*.—Если, напр., признавать не имѣющими значенія свидѣтелей, о которыхъ упоминаетъ допрашиваемый, то достаточно не включить ихъ въ протоколъ, а разъ они не значатся въ дѣлѣ, то нѣтъ необходимости ихъ и допрашивать,— и вотъ выиграно свободное время. Или же можно предложить вопросъ какому нибудь маломыслящему человѣку: нужно ли въ известномъ случаѣ производить осмотръ, и, выслушавъ отъ него несомнѣнно отрицательный отвѣтъ, признать таковой достаточнымъ

основаніемъ не дѣлать осмотра, — и вновь выиграно время. Или напр., по дѣлу о шайкѣ воровъ, избличенныхъ въ совершеніи цѣлаго ряда кражъ со взломомъ, совершенно «достаточно допросить ихъ въ качествѣ обвиняемыхъ въ этихъ кражахъ», къ чему же дѣлать распоряженіе о производствѣ дознаній, которыя повлекли бы обнаруженіе еще новыхъ кражъ, совершенныхъ тѣми же лицами? Такимъ образомъ опять выигрывается не мало свободного времени. Въ дѣлѣ о какомъ нибудь крупномъ мошенничествѣ можетъ оказаться весьма «практичнымъ» выхватить нѣсколько болѣе или менѣе основательныхъ данныхъ и ограничиться выясненіемъ таковыхъ. Конечно, слѣдовало бы разяснить дѣло со всѣхъ сторонъ, прослѣдить и выяснить всю дѣятельность обвиняемаго, разслѣдовать каждый его поступокъ, — но кто же заставляетъ это дѣлать? и въ результатъ масса свободного времени. Затѣмъ въ различныхъ дѣлахъ о несчастныхъ случаяхъ сколько требуется затратить труда для выясненія виновныхъ, сколько нужно безконечныхъ совѣщаній съ экспертами, многократныхъ осмотровъ мѣста преступленія, обстоятельныхъ допросовъ свидѣтелей, — но кто же мѣшаетъ ограничиться обвиненіемъ ближайшаго къ мѣсту событія рабочаго, — и дѣло закончено. Много бы можно привести подобныхъ примѣровъ. Слѣдствія проходятъ одно за другимъ плавно и быстро, и если «мастеръ», производящій ихъ, обладаетъ достаточнымъ тактомъ для того, чтобы предотвратить возникновеніе нареканій и затрудненій, то «экспедитивный» талантъ выработанъ.

Кто беретъ на свою совѣсть пожинать такимъ путемъ лавры, тотъ пусть такъ и продолжаетъ: ему совѣты — бесполезны. Другой вопросъ, будетъ ли онъ впослѣдствіи времени въ состояніи спокойно оглянуться на свою прошлую дѣятельность, хотя бы «экспедитивность» его и принесла хорошіе плоды въ смыслѣ карьеры.

Никто не говоритъ, что слѣдствія должно вести медленно и вяло, что должно писать или дѣлать лишнее, что слѣдуетъ откладывать дѣла въ надеждѣ на счастливыя мысли, — но, внѣ всякаго сомнѣнія, все, что по ходу предварительнаго слѣдствія въ какой бы то ни было мѣрѣ могло бы способствовать выясненію виновности подозрѣваемаго или его невинности, все это необходимо разслѣдовать, и ко всему этому отнюдь нельзя быть равнодушнымъ — подлѣ страхомъ тяжелой нравственной отвѣтственности.

Производство *всякаго* предварительнаго слѣдствія сопряжено съ трудомъ и затратой времени. Самый незначительный просмотръ, самое плчточное легкомысліе могутъ повлечь за собой глубокія и

печальныя послѣдствія: работать добросовѣстно и работать экспедитивно суть два понятія, взаимно исключаютія другъ друга. Я никогда, безусловно никогда не встрѣчалъ хорошаго слѣдствія, произведеннаго такимъ «экспедитивнымъ» С. Пусть никто изъ насъ не желаетъ этой печальной славы, быть «экспедитивнымъ» С. С.

11. О канцелярскомъ порядкѣ.

Въ этомъ параграфѣ мы будемъ говорить о томъ, что, строго говоря, относится къ мелочамъ, но дѣло въ томъ, что эти мелочи въ совокупности своей имѣютъ немаловажное значеніе для дѣла. Можетъ быть, покажется излишнимъ требованіе, чтобы С. С. всячески избѣгалъ канцелярскихъ упущеній, — однако весьма легко можетъ случиться, что С. — тотъ, который съ дѣтства не былъ привыченъ къ аккуратности, — въ особенности при массѣ работы, сдѣлаетъ какія нибудь упущенія, которыя впоследствии могутъ оказаться роковыми, особенно когда дѣло, казавшееся въ началѣ неважнымъ, впоследствии приняло серьезный оборотъ. Вначалѣ все было сдѣлано лишь поверхностно, именно въ тотъ моментъ, когда и нужно было обратить самое серьезное вниманіе, затѣмъ, когда дѣло приняло другой оборотъ, внезапно обнаруживаются непоправимыя упущенія и безпорядокъ.

Прежде всего, мы советуемъ дѣлать самыя аккуратныя отмѣтки въ своей памятной книжкѣ о назначаемыхъ на каждый день занятіяхъ, хотя бы самыхъ незначительныхъ, для того, чтобы не было накопленія въ одинъ и тотъ же день непредвидѣнной работы, — слѣдуетъ остерегаться опасной фразы: «это я запомню». Дѣйствительно, я сегодня помню, а завтра забуду, — что тѣмъ болѣе опасно, если надѣнешься не забывать объ обстоятельствахъ важныхъ. Особенно важно дѣлать такія отмѣтки въ отношеніи приходящихъ на умъ мыслей, являющихся внезапно, — мыслей, которыя, несмотря на ихъ важность, не могутъ получить оффиціального выраженія. Каждый считаетъ невозможнымъ забыть о столь важной явившейся у него идеѣ, и тѣмъ не менѣе забываетъ. Поэтому назначенные въ извѣстные дни вызовъ свидѣтелей, всякаго рода слѣдственные дѣйствія, срочныя и прочія слѣдуетъ вносить для памяти аккуратно въ книжку. Но этого мало: дѣлая отмѣтки, слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно просматривать, сколько предстоитъ работы въ ближайшіе дни, для того, чтобы не быть застигнутымъ въ

последнюю минуту какою нибудь срочною или неизбежною работою.

Датѣ С. С. долженъ самымъ безжалостнымъ образомъ слѣдить за разборчивостью почерка своего письмоводителя. Нельзя требовать ни отъ кого, чтобы онъ писалъ каллиграфически, разъ у него не выработалось ранѣе хорошаго почерка, но разборчиво писать можетъ всякій, кто этого пожелаетъ, и приучить къ этому письмоводителя—дѣло С. С. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что ускореннымъ писаніемъ дѣйствительно можно выгадать нѣсколько минутъ, но въ то же время тѣ, которымъ придется читать такіе протоколы и въ числѣ ихъ самому С., могутъ потерять цѣлые часы, разбирая рукописи. Отличное средство сдѣлать почеркъ болѣе разборчивымъ заключается въ томъ, чтобы насколько можно увеличить разстояніе между строками. Самый красивый почеркъ трудно читать, если одна строка тѣснитъ другую, и самый плохой почеркъ выигрываетъ, если строки по возможности раздвинуты.

Весьма препятствуетъ чтенію промоканіе чернилъ сквозь бумагу. Если нѣтъ подъ руками другой бумаги, то лучше писать только на одной ея сторонѣ.

Настоятельно рекомендую употребленіе копировальныхъ прессовъ, давно примѣняемыхъ въ торговомъ мірѣ съ большимъ успѣхомъ, или еще лучше—копировальныхъ машинъ. Одной такой машины достаточно, чтобы въ нѣсколько минутъ изготовить копиіи всего написаннаго въ теченіи дня.

Эти машины въ настоящее время недороги, работа на нихъ весьма проста и все отпечатанное на нихъ выходитъ ясно: не говоря о быстротѣ, мы получаемъ еще и ту выгоду, что въ копіяхъ не имѣется ошибокъ, допускаемыхъ обыкновеннымъ копіистомъ.

Такая же аккуратность необходима при нумерованіи и скрѣпленіи листовъ дѣла, при составленіи описи и въ особенности при поименованіи всѣхъ предметовъ, которые не приобщаются къ дѣлу, но въ дѣлѣ значатся. Если вещественныя доказательства, письма, фотографическіе снимки и т. п. не переименованы самымъ тщательнымъ образомъ, и въ описяхъ не обозначены соответствующіе листы дѣла, то могутъ возникнуть серьезныя недоразумѣнія, во всякомъ случаѣ сопряженныя съ большою потерей времени. Самыя точныя описи будутъ бесполезны, если онѣ не приведены въ связь съ протоколами слѣдствія.—Хотя кажется невѣроятнымъ, но каждому изъ насъ случалось читать такіе отвѣты по предъявленіи фотографической карточки: «да вотъ этотъ самый», при чемъ, од-

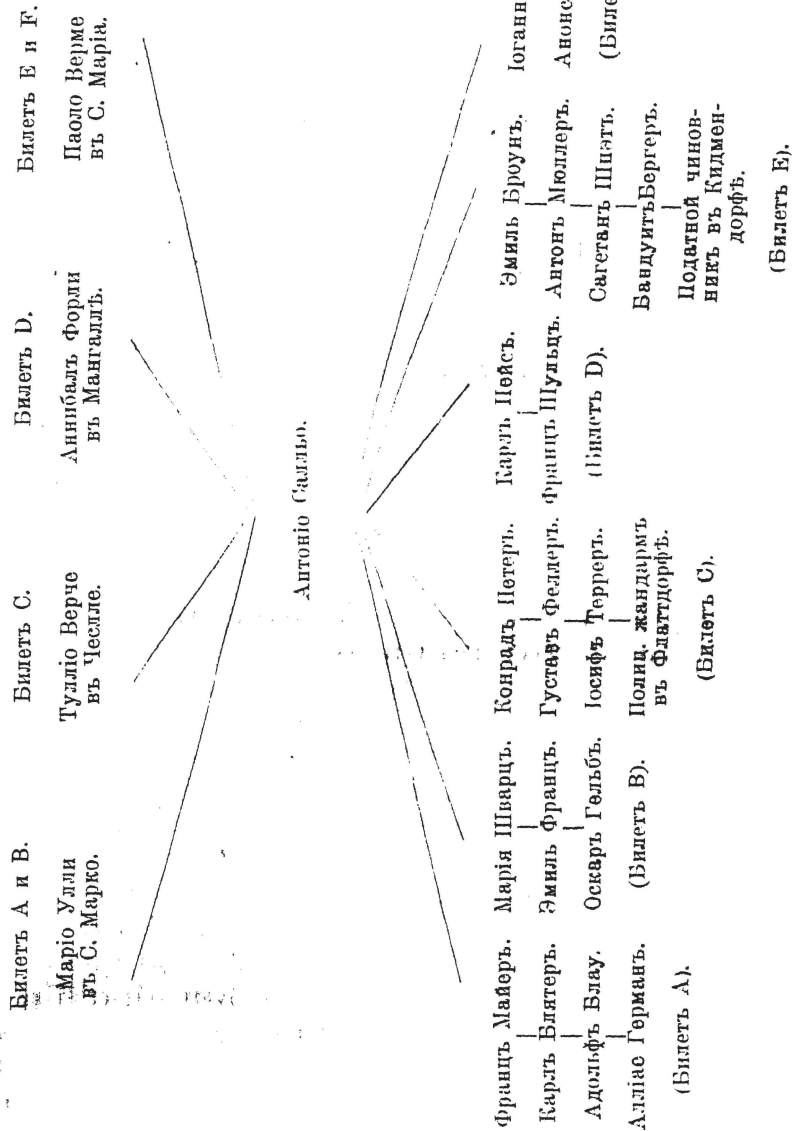
нако, не видно, какая же именно карточка предъявлялась; или по предъявленіи А. и В.—отвѣтъ: «виновенъ вонъ тотъ, который выше ростомъ»,—кто, однако, не знаетъ лично А. и В., конечно, поставленъ въ недоумѣніе, кто же изъ нихъ выше ростомъ; или же по прочтеніи писемъ отъ 1, 3, 5 и 10 января—отвѣтъ: «мною написаны изъ этихъ писемъ вотъ эти съ болѣе красивымъ почеркомъ»; тому, кто читаетъ эти письма, предоставляется самому войти въ разборъ, какой почеркъ болѣе красивъ.

Такого рода неточности не только непростительны по отношенію къ тому, которому приходится писать протоколы, болѣе того, онѣ свидѣлствуютъ объ извѣстной нравственной распущенности, граничащей съ безсовѣстностью, такъ какъ порождаютъ собой не только недоразумѣнія, но и ошибки.

Для сохраненія методичности въ работѣ весьма полезно составить перечень всего, что требуется по дѣлу. Составленіе такихъ перечней или справочныхъ листовъ особенно рекомендуется тогда, когда одно лицо обвиняется въ нѣсколькихъ преступленіяхъ, или когда по дѣлу имѣется нѣсколько обвиняемыхъ. Такая табличка не достигаетъ цѣли, если составляется лишь по окончаніи слѣдствія, или если содержитъ въ себѣ только нѣкоторыя существенныя рубрики. Не должно забывать, что такой листокъ имѣетъ двоякую цѣль: облегчить работу тому, кто получитъ слѣдствіе послѣ С. С., и затѣмъ доставить возможность ему самому обозрѣть слѣдственное производство въ смыслѣ проверки его полноты и тѣмъ дать ему указанія на недоуѣланное. Но эта цѣль достигается только тогда, когда С. С. при первомъ обнаруженіи серьезности или сложности работы, составляетъ для себя такой листокъ, при чемъ выполненіе его пунктовъ должно идти шагъ за шагомъ, для важнѣйшихъ же моментовъ слѣдствія должны имѣться отдѣльныя графы. Эти графы для каждаго дѣла должны заключать слѣдующіе вопросы: кто, что, гдѣ, какими средствами, какимъ образомъ и когда; кромѣ того, по каждому дѣлу имена соучастниковъ, доказательства за и противъ заподозрѣнныхъ, точное изложеніе въ каждомъ случаѣ признаковъ преступленія, есть ли что нибудь, напоминающее сознаніе косвенное, о вознагражденіи убытковъ потерпѣвшаго и т. п. обстоятельства. Если этотъ листокъ составленъ аккуратно, то С. С. достаточно во время работы и затѣмъ по окончаніи слѣдствія справляться съ нимъ, чтобы однимъ взглядомъ убѣждаться, достаточно ли полно слѣдствіе и въ чемъ необходимо его дополнить. Объ аккуратности и добросовѣстности С. С. весьма часто можно

судить, составленъ ли и какъ составленъ такой справочный листокъ.

Въ нѣкоторыхъ слѣдственныхъ производствахъ полезно составлять особыя таблицы, въ которыхъ результаты слѣдствія изображаются графически,—такъ что важнѣйшіе моменты могутъ быть усмотрѣны однимъ взглядомъ. Для составленія такой таблицы необходимо извлечь изъ дѣла и изобразить графически только одно важное и существенное, оставляя въ сторонѣ все несущественное и побочное,—не только для сбереженія времени и труда, но и для того, чтобы не вызвать въ читателѣ путаницы.—Полезность такихъ таблицъ подтверждается весьма часто, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о передвиженіяхъ лица или предмета; напр. когда обвиняемый въ разныхъ мѣстахъ совершилъ важныя преступленія или имѣлъ встрѣчи съ разными лицами, точно также когда какой-либо предметъ переходилъ послѣдовательно въ разныя руки, также когда нѣсколькимъ потерпѣвшимъ въ крупной дракѣ были причинены послѣдовательно многія поврежденія, и наконецъ, когда совокупность уликъ, собранныхъ противъ обвиняемаго, слагается изъ многихъ моментовъ, изъ которыхъ каждый самъ по себѣ представляется несущественнымъ и которые, благодаря ихъ послѣдовательности, получаютъ значеніе. Напр., 16 января А. прибываетъ въ Х., 17 онъ встрѣчается съ В., 18 онъ продаетъ свой сюртукъ, 19 онъ проситъ у С. работы, а 20 онъ покупаетъ себѣ новую черную шляпу и т. д. Въ уголовномъ музеѣ въ гор. Грацѣ выставлены въ отдѣлѣ: «образцы произведеній криминалистики» листъ бумаги съ изображеніемъ цѣлаго весьма сложнаго слѣдственного производства,—а именно: въ одной мѣстности внезапно стали попадаться въ большомъ числѣ поддѣльные 50 гульденные билеты (ноги), послѣ чего слѣдствію удалось установить, что эти билеты распространялись однимъ и тѣмъ же лицомъ, получившимъ ихъ отъ нѣсколькихъ лицъ въ Италіи, гдѣ (вблизи Удины) образовалась большая шайка поддѣльвателей, распространявшихъ черезъ членовъ эти билеты. Весь результатъ слѣдствія изложенъ С. С. д-ромъ Квириномъ на одномъ листѣ, на которомъ отмѣчены, читая отъ низу къ верху, учрежденія или лица, въ порядкѣ полученія ими поддѣльныхъ билетовъ, вплоть до соединенія этихъ билетовъ у одного лица Антонія Салльо, который, съ своей стороны (читая отъ него къ верху) указалъ источники, откуда онъ получилъ эти билеты (имена замѣнены другими):

Подобныя работы возможны въ разнообразныхъ видахъ; при условіи разумнаго составленія, онѣ вполне пѣлесообразны и могутъ быть весьма рекомендованы.